Том 1, №1

2016

SOTSI@COM

СЕТЕВОЕ ИЗДАНИЕ

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

СОЦИАЛЬНАЯ КОМПЕТЕНТНОСТЬ

SOCIAL COMPETENCE

Том 1, №1
2016
SOTSI@COM
СЕТЕВОЕ ИЗДАНИЕ

СОЦИАЛЬНАЯ КОМПЕТЕНТНОСТЬ

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Струк Елена Николаевна, доктор философских наук, заведующая кафедрой социологии и социальной работы ИРНИТУ, главный редактор.
Сидорова Наталья Васильевна, кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии и социальной работы ИРНИТУ, заместитель главного редактора
Гаврилова Наталья Игоревна, кандидат исторических наук, доцент кафедры социологии и социальной работы ИРНИТУ, ответственный за выпуск
Кармадонов Олег Анатольевич, доктор философских наук, профессор кафедры государственного и муниципального управления ИГУ
Пуляевская Ольга Владимировна, кандидат психологических наук, заведующая кафедрой психологии ИРНИТУ
Степаненко Диана Аркадьевна, доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой уголовно-правовых дисциплин ИРНИТУ, член Квалификационной коллегии судей Иркутской области
Мушинский Михаил Адеилович, кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой государственно-правовых дисциплин ИРНИТУ
Дементьева Ольга Вячеславовна, кандидат филологических наук, доцент, декан факультета прикладной лингвистики ИРНИТУ
Татарников Владимир Германович, кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой гражданско-правовых дисциплин ИРНИТУ

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Байков Николай Михайлович, доктор социологических наук, профессор Дальневосточного института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы
Воротилкина Ирина Михайловна, доктор педагогических наук, профессор, заведующая кафедрой сервиса, рекламы и социальной работы Приамурского государственного университета
Козлов Владимир Васильевич, доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой социальной и политической психологии Ярославского государственного университета,Президент Международной Академии психологических наук
Липатова Людмила Николаевна, доктор социологических наук, ведущий научный сотрудник отдела региональных исследований и программ государственного казенного учреждения Республики Мордовия «Научно-исследовательский институт гуманитарных наук при правительстве Республики Мордовия»
Подлиняев Олег Леонидович, доктор педагогических наук, профессор кафедры педагогики Педагогического института Иркутского государственного университета. Почётный работник высшего профессионального образования Российской Федерации
Ромашов Роман Анатольевич, доктор юридических наук, профессор кафедры теории права и правоохранительной деятельности Санкт-Петербургского гуманитарного университета профсоюзов. Заслуженный деятель науки Российской Федерации
Туяа Готовын, доктор Ph, профессор, заведующая кафедрой Европеистики Монгольского государственного университете науки и технологий
Хагуров Темыр Айтечевич, доктор социологических наук, профессор Кубанского государственного университета, ведущий научный сотрудник Института социологии РАН. Действительный член Российской академии социальных наук
Эрдэнэмаам Сосорбарам, доктор Ph, профессор, заведующий кафедрой русского языка и литературы Монгольского государственного университета

Vol. 1, №1
2016
NETWORK EDITION
SOTSI@COM

SOCIAL COMPETENCE

EDITORIAL COLLEGIUM OF THE JOURNAL

Struk Elena Nikolayevna, PhD in Philosophy, Head of Sociology and Social Work Department in INRTU, Editor-in-Chief
Sidorova Natalya Vasilyevna, Candidate of Sociology, Associate Professor of Sociology and Social Work Department in INRTU, Deputy Editor-in-Chief
Gavrilova Natalya Igorevna, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of Sociology and Social Work Department in INRTU, Responsible to sign off the issue
Karmadonov Oleg Anatolyevich, PhD in Philosophy, Professor of State and Municipal Management Department in ISU
Pulyaevskaya Olga Vladimirovna, Candidate of Psychological Sciences, Head of Psychology Department in INRTU
Stepanenko Diana Arkadyevna, Doctor of Juridical Sciences, Professor, Head of Criminal and Legal Disciplines Department in INRTU, a Member of Qualification Board of Judges of Irkutsk region
Mushinsky Mikhail Adeilovich, Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor, Head of State-Legal Disciplines Department in INRTU
Dementyeva Olga Vyacheslavovna, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Dean of Applied Linguistics Faculty in INRTU
Tatarnikov Vladimir Germanovich, Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor, Head of Civil Law Disciplines Department in INRTU

EDITORIAL BOARD

Baikov Nikolay Mikhailovich, PhD in Sociological Sciences, Professor of Far East Institute of Management – a branch of Russian Academy of National Economy and Public Administration
Vorotilkina Elena Mikhailovna, PhD in Pedagogical Sciences, Professor, Head of Service, Advertising and Social Work Department in Priamursky State University
Kozlov Vladimir Vasilyevich, PhD in Psychological Sciences, Professor, Head of Social and Political Psychology in Yaroslavl State University. President of the International Academy of Psychological Sciences
Lipatova Lyudmila Nikolayevna, PhD in Sociological Sciences, Leading Researcher of Department of Regional Studies and Programs of Mordovia Public Institution "Scientific Research Institute of Humanities under the Government of Mordovia Republic"
Podlinyaev Oleg Leonidovich, PhD in Pedagogical Sciences, Professor of Pedagogics Department in Pedagogical Institute of Irkutsk State University. Honoured Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation
Romashov Roman Anatolyevich, PhD in Juridical Sciences, Professor of Theory of Law and Law Enforcement Department in St. Petersburg Humanitarian University of Trade Unions. Honoured Scholar of the Russian Federation
Tuya Gotovyn, PhD, Head of European Studies Department in Mongolian State University of Science and Technology
Hagurov Temyr Aitechevich, PhD in Sociological Sciences, Professor of Kuban State University, Leading Researcher of the Institute of Sociology of the Russian Federation. Full Member of the Russian Academy of Social Sciences
Erdenemaam Sosorbaram, PhD, Professor, Head of the Russian Language and Literature Department in Mongolian State University

Том 1, №1
2016
SOTSI@COM
СЕТЕВОЕ ИЗДАНИЕ

СОЦИАЛЬНАЯ КОМПЕТЕНТНОСТЬ

Содержание

Слово главного редактора..... 6

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Вайрах Ю.В., Желновакова М.Ф. Развитие медиакомпетентности студентов направления подготовки “Журналистика” и “Реклама и связи с общественностью”..... 8

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

Мамедов Э.Ф. Терминология законодательства о религиозных отношениях как основа формирования межнационального и межконфессионального единства..... 13

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Королева И.Л., Меркулов А.С., Терехова О.Г. Проблемы общекультурных и общепрофессиональных компетенций в высшем образовании..... 19

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Жданко Т.А. Психолого-педагогические особенности инклюзивного образования детей..... 23

Минина Н.В., Пуляевская О.В. Жизненные стратегии и психологические особенности безработной молодежи..... 28

Пуляевская О.В. К вопросу определения психологического аспекта устойчивого развития территорий в контексте решения проблем градостроительной деятельности..... 33

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Антонова Д.Ю., Сидорова Н.В. Поколенческий анализ отношения к армии мужского населения г. Иркутска..... 36

Балтуева С.В. Когнитивный подход в социальной работе..... 44

Бутакова Д.А., Дормидонтова Т.А. Особенности гендерных стереотипов в отношении женщин – военнослужащих (на примере молодых женщин-военнослужащих г. Иркутска и г. Ангарска)..... 50

Бутакова Д.А., Федорова М.В. Свадебные ритуальные практики современной российской молодежи: результаты социологического исследования иркутских свадеб..... 55

Гузик М.В., Федосеева Д.А. Анализ жизненных стратегий студенческой молодежи (по результатам социологического опроса студентов ИРНИТУ)..... 59

Забалова Е.Ю. Правовые механизмы социальной защиты приемной семьи в России..... 65

Vol. 1, №1
2016
NETWORK EDITION
SOTSI@COM

SOCIAL COMPETENCE

Contents

A letter from the editor-in-chief..... 6

PHILOLOGICAL SCIENCES

Vairakh Y.V., Zhelnovakova M.F. Development of media competence of journalism, advertising and public relations students 8

JURIDICAL SCIENCES

Mamedov E.F. The terminology of legislation on religious relations as basis of interethnic and interreligious unity promotion..... 13

PEDAGOGICAL SCIENCES

Koroleva I.L., Merkulov A.S., Terekhova O.G. Problems of general cultural and professional competencies in higher education..... 19

PSYCHOLOGICAL SCIENCES

Zhdanko T.A. Psychological and pedagogical features of children's inclusive education..... 23
Minina N.V., Pulyaevskaya O.V. Life strategies and psychological features of unemployed youth..... 28
Pulyaevskaya O.V. On the issue of identification of psychological aspect of area sustainability in the context of urban development problems solution..... 33

SOCIOLOGICAL SCIENCES

Antonova D.Yu., Sidorova N.V. A generational analysis of attitudes to the army of the male population of Irkutsk..... 36
Baltueva S.V. The cognitive approach in social work..... 44
Butakova D.A., Dormidontova T.A. Features of gender stereotypes of female service members: the case of young female service members of Irkutsk and Angarsk cities)..... 50
Butakova D.A., Fedorova M.V. Wedding rituals of modern youth: results of social study of Irkutsk weddings..... 55
Guzik M. V., Fedoseeva D. A. Analysis of students' life strategies (based on the sociological survey of INRTU students)..... 59
Zabalova E.Yu. Legal mechanics of social protection of foster family in Russia..... 65

Том 1, №1
2016
SOTSI@COM
СЕТЕВОЕ ИЗДАНИЕ

СОЦИАЛЬНАЯ КОМПЕТЕНТНОСТЬ

Уважаемые коллеги!

Перед вами первый номер научного электронного журнала «Социальная компетентность» («Социаком»). Почему социальная компетентность? На наш взгляд, в современном обществе понятие «социальная компетентность» выражает открытость человека миру, его готовность к сотрудничеству и умение поставить себя на место другого человека, желание учиться, осваивать и применять новые знания. При этом «социальная компетентность», как научный термин, представляет собой интегративное понятие, в котором отражены механизмы, обеспечивающие нормальную жизнедеятельность человека в социуме, на основании целого комплекса знаний. Таким образом, используя данное понятие, мы опираемся на целый комплекс наук, связанных с изучением человека и его поведения в обществе. «Социаком» – мультидисциплинарный журнал, в котором проводится рецензирование и принимаются к публикации научные материалы в виде статей, обзоров по следующим научным специальностям:

10.00.00 – Филологические науки.
12.00.00 – Юридические науки.
13.00.00 – Педагогические науки.
19.00.00 – Психологические науки.
22.00.00 – Социологические науки.

Мы надеемся стать эффективным центром научной интеграции, в котором будут публиковаться актуальные статьи научно-практического характера, обзоры ученых, докторантов, аспирантов, магистрантов, преподавателей вузов и НИИ, практиков, а также зарубежных авторов. Обсуждаться различные аспекты формирования системы сложных социальных умений и навыков взаимодействия (социальных, психологических, юридических, педагогических, в целом составляющих социальную компетентность), сценариев поведения в различных социальных ситуациях, а также знаний о социальной действительности, социальных группах, личностях.

Том 1, №1
2016
SOTSI@COM
СЕТЕВОЕ ИЗДАНИЕ

СОЦИАЛЬНАЯ КОМПЕТЕНТНОСТЬ

Учредителем и издателем научного журнала «Социальная компетентность» («Социаком») является Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Иркутский национальный исследовательский технический университет» (ФГБОУ ВО ИРНИТУ).

Представляемый журнал мультидисциплинарный и полностью электронный, что является, на наш взгляд, большим преимуществом, так как позволяет быть динамичным в научном коммуникативном пространстве. Доступ ко всем номерам журнала будет постоянным, свободным и бесплатным для любого читателя.

Журнал «Социаком» даёт своим авторам хорошую возможность для представления полученных ими новых фундаментальных и практических результатов в современном научно-информационном пространстве.

Основные принципы работы журнала:

– создание доступного информационного поля для всех специалистов, связанных с изучением социально-гуманитарной проблематики формирования социальных компетенций в обществе;

– предоставление возможности ученым, специалистам, аспирантам и магистрантам России, ближнего и дальнего зарубежья публиковать результаты своих научных исследований;

– расширение сферы профессионального диалога для российских исследователей, работающих в сфере социологии, филологии, психологии и педагогики, юридических наук;

– создание коммуникационной платформы для расширения сотрудничества российских и зарубежных профессиональных сообществ;

– привлечение внимания к наиболее актуальным, перспективным и интересным направлениям научных исследований по тематике журнала;

– формирование открытой научной полемики, способствующей повышению качества научных исследований;

– ознакомление читателей с передовым мировым опытом внедрения научных разработок в указанных областях знаний;

– обеспечение гласности и открытости в отражении научной проблематики.

Приглашаем всех заинтересованных теоретиков и практиков принять участие в данном проекте как в качестве авторов различных материалов, так и рецензентов. Состав редколлегии открыт для всех заинтересованных ученых, чьи личные цели и задачи совпадают с основными принципами работы журнала.

Елена Николаевна Струк,
главный редактор

УДК 378.14

РАЗВИТИЕ МЕДИАКОМПЕТЕНТНОСТИ СТУДЕНТОВ НАПРАВЛЕНИЯ ПОДГОТОВКИ «ЖУРНАЛИСТИКА» И «РЕКЛАМА И СВЯЗИ С ОБЩЕСТВЕННОСТЬЮ»

© Ю.В. Вайрах*, М.Ф. Желновакова*
*Иркутский национальный исследовательский технический университет,
664074, Россия, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 83.

Авторы рассматривают медиакомпетентность как одну из важных составляющих профессиональной компетентности бакалавров направления подготовки «Журналистика» и «Реклама и связи с общественностью». В статье уточняется терминологический статус понятия «медиакомпетентность», анализируются параметры медиакомпетентности и соответствие этим параметрам студенческой аудитории. Авторы представили способы формирования медиакомпетентности в условиях образовательного процесса (диалоговое взаимодействие, кейс-стади, конструирование моделей и схем полученной информации и др.).
Ключевые слова: информация, компетентность, медиакомпетентность, медиаобразование, интерактивные формы обучения, кейс-стади, диалоговое взаимодействие, медиатекст.

DEVELOPMENT OF MEDIA COMPETENCE OF JOURNALISM, ADVERTISING AND PUBLIC RELATIONS STUDENTS

Y.V. Vairakh*, M.F. Zhelnovakova*
*Irkutsk National Research Technical University,
83 Lermontov Str., Irkutsk, Russia, 664074.

The authors consider media competence as one of the most important components of professional competence of bachelors of «Journalism» and «Advertising and Public Relations». The paper clarifies the terminological status of the concept "media competence", analyzes the media competence parameters and the student audience compliance with these parameters. The authors present the methods of media competence formation in terms of educational process (dialog interaction, case studies, designing models and patterns of the information received, etc.).
Keywords: information, competence, media competence. media education, interactive forms of education, case studies, dialog interaction, media text.

Социальные трансформации общества, новая экономическая ситуация, политические изменения, стремительное развитие информационных систем требуют качественно иной подготовки студентов, способных ответить на вызовы времени, быть востребованными на рынке труда, предъявляющем все новые требования к выпускникам, в первую очередь, в коммуникативной сфере.

Перспективным направлением современной педагогики является медиаобразование, призванное сориентировать нынешнее поколение в информационном потоке, распознавать виды информации, осознавать степень её воздействия на аудиторию, осуществлять коммуникацию с помощью новых медиаустройств. Медиаобразование реализует разные цели: медиаграмотность, формирование медиакультуры, развитие информационной компетентности и др. Выпускник вуза обязан не только освоить традиционные и современные информационные технологии, но и уметь дифференцировать информацию, определяя контекст её появления и последующего функционирования.

Ключевой компетенцией, напрямую связанной с информацией, является медиакомпетентность. Терминологический статус данного понятия сегодня до конца не определен, и не существует сложившейся традиции в его трактовке. В научных исследованиях используются синонимичные понятия: «аудиовизуальная грамотность», «аудиовизуальная культура», «аудиовизуальная образованность», «аудиовизуальная компетентность», «аудиовизуальная компетенция», «информационная компетентность», «информационная компетенция», «информационная культура», «информационная грамотность», «информационная образованность», «медиаграмотность», «медийная компетентность», «медийная компетенция», «медиакультура», «медийная культура», «медиаобразованность», «мульти/медийная грамотность», «компьютерная

грамотность». В зарубежных исследованиях термин медиакомпетентность (нем. – medienkompetenz, англ. – media competence) является достаточно распространенным и обозначает способность к «квалифицированному, самостоятельному, творческому и социально-ответственному действию по отношению к медиа» [4]. Терминологический плюрализм говорит о несомненной актуальности рассматриваемого явления и неоднородности компонентов, объединенных этим понятием.

По мнению О.П. Кутькиной, медиакомпетентность является «сложным личностным образованием, включающим в себя совокупность знаний о медиа, умений и навыков их практического применения, опыт использования медиа в различных сферах деятельности, включая опыт работы с компьютером как основным медиаинструментом, качества личности, характеризующие человека, такие как: познавательная активность, критическое мышление, творческое мышление, коммуникативность, рефлексия, положительная мотивация и ценностно-смысловые представления (отношения) о деятельности по использованию медиа» [1].

Н.В. Чичерина медиакомпетентность считает синонимичным понятием медиаграмотности, т.е. «способности адекватно взаимодействовать с потоками медиаинформации в глобальном информационном пространстве: осуществлять поиск, анализировать, критически оценивать и создавать медиатексты, распространяемые с помощью различных средств массовой информации и коммуникации, во всем разнообразии их форм» [5].

Целям нашего исследования соответствует определение А.В. Федорова: «**медиакомпетентность** личности – совокупность ее мотивов, знаний, умений, способностей (показатели: мотивационный, контактный, информационный, перцептивный, интерпретационный/оценочный, практико-операционный/ деятельностный, креативный), способствующих выбору, использованию, критическому анализу, оценке, созданию и передаче медиатекстов в различных видах, формах и жанрах, анализу сложных процессов функционирования медиа в социуме [4].

А.В. Федоров выделил характеристики, которые присущи личности, обладающей высоким уровнем развития медиакомпетентности:

«1) мотивационный показатель **(**стремление получить новую информацию, стремление к поиску материалов для учебных, научных, исследовательских целей; стремление к идентификации, сопереживанию и др.);

2) контактный показатель (частные контакты с различными видами медиа и медиатекстов);

3) информационный показатель (знание терминов, теорий, фактов медиакультуры);

4) перцептивный показатель (отождествление с автором медиатекста при сохранении основных компонентов «первичной» и «вторичной» идентификации, эмоционально-смыслового соотнесения элементов сюжета, синтеза мыслей и чувств зрителя в образных обобщениях);

5) интерпретационный/оценочный показатель: умение критически анализировать процесс функционирования медиа, способность к анализу и синтезу формы медиатекста, понимание, интерпретация (трактовка), предполагающая сравнение, абстрагирование, индукцию, дедукцию, синтез, критическую оценку авторской концепции в контексте структуры произведения, историческом и культурном контекстах;

6) практико-операционный показатель (практические умения самостоятельного выбора, создания/распространения медиатекстов различных видов и жанров, умения активного самообразования в медийной сфере);

7) креативный показатель развития медиаграмотности аудитории» [4].

Таким образом, медиакомпетентность нацелена на развитие умений и навыков критического осмысления полученной информации, самостоятельности суждений и обоснованности решений коммуникантов. Применение стратегий развития критического мышления позволяет студентам сопоставлять противоположные точки зрения и мыслить диалогически.

По отношению к медиакомпетентности умения критического мышления заключаются в следующем: а) дифференциация фактов на те, которые можно проверить, и те, которые являются ценностными утверждениями; б) истинность и ложность фактов либо источника; в) степень надежности источника; г) степень предвзятости; д) аргументы; определение логических нарушений; е) соотношение явных и неявных предположений. В критическом анализе медиа-

текста важен процесс диалога, столкновение противоположных точек зрения.

Опираясь на выделенные А.В. Федоровым характеристики личности, отличающейся высоким уровнем медиакомпетентности, было проведено исследование сформированности интерпретационного показателя медиакомпетентности у бакалавров направления подготовки «Журналистика» и «Реклама и связи с общественностью» Иркутского национального исследовательского технического университета. Наблюдение в процессе работы с медиатекстами и проведенное тестирование сформированности интерпретационных навыков анализа медиатекста продемонстрировало достаточно низкий уровень развития медиакомпетентности в целом. Около 30 % студентов из выборки обнаружили недостаточную сформированность интерпретационных (оценочных) навыков анализа медиатекста. Кроме того, многие испытывали затруднения с комплексным осмыслением практики работы медиасистемы и оценки целесообразности и эффективности принимаемых решений в части осмысления проблемных задач.

На основе исследования была проведена корректировка образовательной деятельности и введены разнообразные формы работы с информацией, развивающие интерпретационные и перцептивные умения работы с конкретными медиатекстами и в целом с проблемными ситуациями.

В частности, серьезное внимание в образовательном процессе было уделено навыкам работы непосредственно с медиатекстами, их анализу и оценке степени эмоциональной окрашенности текста, умению представлять полученную информацию в виде схем и моделей.

Для развития навыка применения теоретических моделей в практике анализа медиатекста студентам была предложена следующая работа: анализ новостных текстов по схеме Лассуэлла («кто сообщает – что сообщает – канал передачи – кому сообщает – с каким эффектом»).

Реализация этой методики осуществлялась в преподавании дисциплин «Основы теории журналистики» и «Теории и практики массовой информации» поэтапно:

1. Выбор текста для анализа. В качестве материала для исследования были предложены тексты новостного характера, посвященные международным отношениям, преимущественно военным действиям ведущих российских информационных агентств РИА «Новости», «ТАСС», «Интерфакс». В 2016 году наиболее актуальными были новости, затрагивающие ситуацию в Сирии и проблему мигрантов в Европе.
2. Выделение в тексте элементов системы, установление отношений между элементами, выявление связующих скреп.
3. Составление схемы.

На первом этапе работы студенты могли выделять только основные составляющие данной модели. Затруднения возникали при отделении источника информации от канала передачи, возникали сложности с выделением цепочки коммуникативных актов, когда из одного события вытекало другое, с составлением сюжетных линий. В некоторых случаях студенты выделяли основные группы адресатов, а не могли выделить все группы адресатов. Постоянное выполнение заданий такого типа, тренировка интерпретационных навыков позволили избежать распространенных ошибок, а студенты получили опыт послойного рассмотрения новостных событий, научились переводить теоретические знания в область практических решений.

Еще одной формой работы с медиатекстами является оценка степени эмоциональной окрашенности. Данная работа проводилась в процессе освоения дисциплин «Россия в глобальном информационном пространстве» и «Современные зарубежные СМИ». Студенты получали аналитические статьи зарубежных СМИ (перевод текстов аналитических статей размещен на сайте Интернет-проекта ИноСМИ.Ru), оценивающие текущие действия России на международной арене. Выбирали три маркера разных цветов, каждому из которых присваивался статус положительного, отрицательного или нейтрального, далее выделяя соответствующие текстовые единицы нужным маркером. Текст статьи наглядно демонстрирует цветовое соотношение в зависимости от преобладания той или иной коннотации, на основании чего студенты делали вывод, какое отношение к действиям России выражал автор материала. Визуализация текста помогала определить количество эмоционально окрашенных текстовых

единиц: нейтрального, положительного или отрицательного характера.

Представленные формы работы с медиатекстами позволяют студентам более детально увидеть и оценить принципы функционирования медиатекста, выявить особенности подачи информации, использование текстовых единиц и взаимосвязь коммуникативных потоков между собой.

Не менее важным в формировании медиакомпетентности является осмысление проблем, соотнесенных с медиасферой. Как уже отмечалось, А.В. Федоров выделяет умение критически анализировать процесс функционирования медиа как важнейший элемент интерпретационной характеристики медиакомпетентности. Важнейшим этапом формирования этого умения является дискуссионное обсуждение проблем, возникших в результате функционирования медиасистем в постоянно изменяющемся обществе. Существует немало методик, направленных на ведение дискуссионного обсуждения, на сегодняшний день самой перспективной является метод кейс-стади или метод обсуждения конкретных ситуаций. В первую очередь, он нацелен на формирование навыков принятия решений в условиях неопределенности, комплексной оценки ситуации, разработку плана действий, нацеленного на решение ситуации, а также умение предвидеть и оценивать последствия принятого решения [3].

Метод кейс-стади можно использовать в преподавании многих дисциплин направлений подготовки «Журналистика» и «Реклама и связи с общественностью», поскольку он позволяет решать широкий круг задач. Однако, как показывает практика применения метода, наиболее эффективным метод кейс-стади становится в процессе преподавания дисциплин «Профессиональная этика журналиста», «Психология журналистики», «Этика и право в связях с общественностью и рекламе», «Технологии управления общественным мнением». Эти дисциплины охватывают круг вопросов, связанных с этическими вопросами функционирования медиа и возможными последствиями деятельности будущих специалистов в области коммуникаций.

Применение метода кейс-стади требует тщательной подготовки и строится по следующей схеме:

1. Разработка кейса. Материалы для кейсов, описывающих функционирование медиасистем, можно найти на сайте Союза журналистов России, Общественной коллегии по жалобам на прессу и ряда СМИ, освещающих данную сферу деятельности. Преподавателю требуется обработать материал, найти дополнительные сведения, раскрывающие контекст возникшей проблемной ситуации, выделить основные блоки и разработать список вопросов для обсуждения. При их составлении важно сориентировать студентов не столько на осознание проблемы, сколько на возможные варианты ее решения, что позволит сформировать конструктивный взгляд на процессы, происходящие в медиасреде.

2. Формирование рабочих групп и выдача материалов кейса. Как показывает практика применения данного метода, наиболее оптимальным для работы количеством студентов в группе является 3-4 человека, хотя возможно использования кейсов и для индивидуальной работы или в качестве домашнего задания, но в этом случае не достигаются другие задачи кейс-стади – развитие коммуникативных навыков и лидерских качеств, что тоже является важным для современных выпускников [2].

3. Обсуждение кейса в рабочих группах. Время для дискуссии выбирается самим преподавателем в зависимости от объема и сложности представленного материала, а также количества поставленных вопросов. В целом, обсуждение в группах занимает не более 30-40 минут.

4. Представление позиций групп и общее обсуждение результатов. Каждая из рабочих групп представляет свое понимание поставленной проблемы и возможных вариантов решения. Преподавателю необходимо обратить внимание студентов на многообразие взглядов на проблемы и пути их решения.

5. Подведение итогов дискуссии. На данном этапе студенты должны осознать важность применения этических и других профессиональных стандартов, прийти к пониманию важности решения поставленной задачи.

Создание небольших групп позволяет вовлечь в дискуссию практически всех участвующих, а рассмотрение представленной проблемы с разных точек зрения позволяет студентам

увидеть многообразие подходов к осмыслению поставленной задачи и возможным вариантам ее решения, опираясь на опыт экспертов в данной области и существующие профессиональные стандарты. Применение метода носит междисциплинарный характер и дает возможность привлекать знания из других научных областей для решения той или иной практической задачи.

Таким образом, применение методик работы с медиатекстами и дискуссионных методик обсуждения проблемных ситуаций позволяет с разных сторон подойти к формированию медиакомпетентности. Так, если в ходе анализа медиатекста студенты выражают аргументированное согласие или несогласие с авторской позицией, критически оценивают моральную, эмоциональную, эстетическую значимости медиатекста, могут соотнести эмоциональное восприятие и содержание медиатекста, то в ходе дискуссионного обсуждения конкретной ситуации, возникшей в ходе функционирования медиасистем, студенты осмысливают представленные проблемы, многообразие подходов к ее интерпретации и вариантов решения проблемы.

Комплексное использование методик работы с медиатекстами и дискуссионное обсуждение проблем позволяет решить те задачи подготовки будущих специалистов коммуникативной сферы, которые ставит сегодня перед системой высшего образования государство и работодатели. Медиакомпетентность является обязательным условием успешного выполнения профессиональных задач и условием социализации в обществе, вступившем в информационную эпоху.

Библиографический список

1. Кутькина О.П. Педагогические условия формирования медиакомпетентности будущих библиотечно-информационных специалистов / О.П. Кутькина. [Электронный ресурс] URL: http: //www.dissercat.com/content/pedagogicheskie-usloviya-formirovaniya-mediakompetentnosti-budushchikh-bibliotechno-informat#ixzz4Ll8Kgt80 (02.10. 2016).
2. Лузан Е.Н. Кейс как образовательная технология / Е.Н. Лузан. Вестник Брянского государственного университета. 2012. № 1. С. 137–140.
3. Овчарова Г.Б. Активные формы обучения журналистике / Г.Б. Овчарова. Пятигорский государственный лингвистический университет, Университетские чтения, 2009 г. [Электронный ресурс] URL: http://www.pglu.ru/lib/publications/University_Reading/2009/I/uch_2009_I_00029.pdf (02.10.2016).
4. Федоров А.В. Развитие медиакомпетентности и критического мышления студентов педагогического вуза / А.В. Федоров. М.: Изд-во МОО ВПП Юнеско «Информация для всех», 2007. 616 с.
5. Федоров А.В. Медиакомпетентность личности: от терминологии к показателям. // Журнал «Телекоммуникации и информатизация образования», 2007, № 3. С. 26–54.
6. Чичерина Н.В. Медиатекст как средство формирования медиаграмотности у студентов языковых факультетов. М., 2008. 232 с.

Вайрах Юлия Викторовна, кандидат филологических наук, доцент кафедры рекламы и журналистики, e-mail: vayrakh@yandex.ru
Желновакова Маргарита Федоровна, кандидат исторических наук, доцент кафедры рекламы и журналистики, e-mail: m.zhelnovakova@gmail.com

Yuliya V. Vairakh, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of Advertising and Journalism Department, e-mail: vayrakh@yandex.ru
Margarita F. Zhelnovakova, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of Advertising and Journalism Department,
e-mail: m.zhelnovakova@gmail.com

УДК 340

ТЕРМИНОЛОГИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О РЕЛИГИОЗНЫХ ОТНОШЕНИЯХ КАК ОСНОВА ФОРМИРОВАНИЯ МЕЖНАЦИОНАЛЬНОГО И МЕЖКОНФЕССИОНАЛЬНОГО ЕДИНСТВА

© Э.Ф. Мамедов*

*Иркутский национальный исследовательский технический университет,
664074, Россия, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 83.

В статье исследуется российское законодательство, регулирующее религиозные отношения. Особое внимание посвящено анализу проблем, связанных с использованием терминологии. Отмечается, что употребление в законодательстве оценочных понятий и терминов, используемых в религиозной сфере, является некорректным, требует научного анализа и внесения соответствующих изменений в законодательство.

Ключевые слова: термины, юридическая техника, религиозные отношения, свобода совести, свобода вероисповедания.

THE TERMINOLOGY OF LEGISLATION ON RELIGIOUS RELATIONS AS BASIS OF INTERETHNIC AND INTERRELIGIOUS UNITY PROMOTION

E.F. Mamedov*

*Irkutsk National Research Technical University,
83 Lermontov Str., Irkutsk, Russia, 664074.

The article is devoted to the study of Russian legislation regulating religious relations. Special attention is paid to the analysis of problems related to use of terminology. It is noted that the usage of evaluative concepts and terms in the religious sphere of legislation is incorrect, and it requires the scientific analysis and introduction of relevant amendments to legislation.

Keywords: term, legal writing, religious relations, freedom of conscience, freedom of religion.

В настоящее время важнейшим условием формирования правового государства и гражданского общества в России является достижение межнационального и межрелигиозного единства. В соответствии с Постановлением Правительства РФ от 20 августа 2013 г. № 718 "О федеральной целевой программе "Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов России (2014 – 2020 годы)" [18] этнический и религиозный факторы являются для многонациональной и поликонфессиональной России факторами национальной безопасности, что также зафиксировано в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года [17]. Традиционные формы духовности и этнической культуры народов России являются основой общероссийской идентичности, поэтому укрепление единства российской нации, формирование общегражданской идентичности россиян, обеспечение динамичного этнокультурного и духовного развития народов России, противодействие этнополитическому и религиозно-политическому экстремизму являются важными факторами дальнейшего устойчивого развития страны.

На территории Российской Федерации проживают представители более 180 национальностей, среди которых необходимо выделять как российских, так и иностранных граждан и лиц без гражданства, адаптирующихся в российское этнокультурное и религиозное пространство в процессе внутренней и внешней миграции.

Далее необходимо отметить, что на современном этапе общественного развития особую актуальность приобретает проблема гармонизации отношений между государством и объединениями, осуществляющими религиозную деятельность. По нашему мнению считаем справедливым подчеркнуть тот факт, что общественное сознание населения нашей страны нередко ассоциирует представителей различных конфессий с определенным этносом, нацией, народностью, в результате чего религиозные отношения проецируются на межнациональные. В свою очередь, основой упорядоченности таких отношений выступают законодательно закрепленные положения о месте и роли религии в жизни общества и государства.

По словам М.П. Прониной, "в настоящее время обозначить конкретно определенное

место религии внутри системы российского права весьма затруднительно" [20, с. 166]. В России основой правового регулирования религиозных отношений являются Конституция Российской Федерации 1993 г. [7] и Федеральный закон от 26 сентября 1997 г. № 125-ФЗ "О свободе совести и о религиозных объединениях" [13]. Данными нормативными правовыми актами установлены: принцип светскости государства, конфессиональное равенство, свобода совести и свобода вероисповедания, статус религиозных объединений, условия их существования, взаимодействие с органами власти и др. Однако, несмотря на широкий спектр законодательной регламентации религиозных отношений, российское законодательство в данной сфере не лишено недостатков, в частности, технико-юридического характера.

Как верно отмечает С.А. Комаров, "юридическая техника признана совершенствовать язык правовых актов, делать его более понятным, точным и грамотным" [6, с. 330]. В этой связи необходимо отметить, что одним из основных требований юридической техники является точное выражение законодательной воли в тексте нормативного правового акта. Эта цель достигается путем использования в законодательном тексте специальных терминов, являющихся языковыми средствами юридической техники. Правильное языковое изложение текста закона предопределяет его ясность, простоту, четкость и доступность для понимания.

За период своего действия Федеральный закон «О свободе совести и о религиозных объединениях» претерпел множество изменений, однако, несмотря на это, необходимо выделить ряд моментов, связанных с его несоответствием отдельным требованиям юридической техники, а именно, используемой в нем терминологии.

Во-первых, наличие терминологических неточностей Федерального закона "О свободе совести и о религиозных объединениях» усматривается, прежде всего, в его названии. Представляется, что оно не совсем соответствует содержанию самого закона. В соответствии со статьей 28 Конституции РФ "Каждому гарантируется свобода совести, свобода вероисповедания...". Ю.Ю. Кулакова отмечает, что исходя из лингвистической конструкции формулировки указанной статьи «получается, что на конституционном уровне свобода совести, хотя формально и связывается со свободой вероисповедания, не отождествляется с ней" [8, с. 33]. В свою очередь из 27 статей Федерального закона "О свободе совести и о религиозных объединениях" свободе совести в собственном смысле слова не посвящена ни одна статья. Свобода совести рассматривается законодателем в нераздельном единстве со свободой вероисповедания. В этом отношении положительным примером следует считать наименование Закона РСФСР от 25 октября 1990 г. "О свободе вероисповеданий" [12], которое, бесспорно, соответствовало его содержанию. В данном случае согласимся с П.Б. Афанасьевым, который отмечает, что юридически грамотным представляется следующее наименование закона: Федеральный закон "О свободе вероисповеданий и о религиозных объединениях" [1, с. 22].

Во-вторых, с точки зрения юридической техники некоторые формулировки преамбулы Федерального закона "О свободе совести и о религиозных объединениях" являются некорректными и носят неопределенный характер. Совершенно непонятен смысл таких фраз как: "признавая особую роль православия в истории России, в становлении и развитии ее духовности и культуры"; "уважая христианство, ислам, буддизм, иудаизм и другие религии, составляющие неотъемлемую часть исторического наследия народов России...". Что именно законодатель имеет в виду под православием – Русскую Православную Церковь или различные православные сектантские течения? Об уважении какого именно направления христианства идет речь – православия, католицизма, протестантизма? Тоже самое касается и направлений ислама, буддизма и иудаизма. Можно также предположить, что, исходя из текста данной преамбулы, к "другим" религиям относятся и мормонизм, иеговизм, кришнаизм и т.п., которые никакого отношения к историческому наследию народов России не имеют. А как же язычество (родолюбие, родноверие, традиционализм), которое в большей степени имеет право считаться религией, составляющей неотъемлемую часть исторического наследия народов России? В настоящее время в России действует целый ряд языческих движений и общин, ставящих своей целью возрождение исконной русской веры.

По всей видимости в данном случае справедливым является вопрос о том, каким образом следует определять степень неотъемлемости той или иной религии и что именно понимать под историческим наследием. Можно также предположить, что данные положения со-

здают правовые предпосылки для законодательных преференций в пользу перечисленных в законе первых четырех конфессий. Необходимо отметить, что в юридической литературе уже высказывалось мнение относительно исключения из преамбулы Федерального закона "О свободе совести и о религиозных объединениях" указанных формулировок, что способствовало бы совершенствованию законодательства о религиозных объединениях [19, с. 21].

Положения преамбулы хоть и не носят нормативный характер, однако продекларированное в ней отношение государства к рассматриваемому вопросу может являться основой государственной политики в этой сфере. Следует также отметить, что в ноябре 2013 года в Государственной Думе РФ высказывались предложения по поводу закрепления особой роли православия в преамбуле Конституции Российской Федерации. Вместе с тем речь шла о том, что в тех регионах России, где "традиционными" являются иные религии, наряду с православием может быть закреплена особая роль соответствующих религий на уровне регионального законодательства. Однако в некоторых субъектах федерации подобная практика уже давно реализуется. Так, особая роль ислама признается в преамбулах Закона Республики Татарстан "О свободе совести и о религиозных объединениях" [13] и Закона Республики Адыгея "О свободе совести и свободе вероисповедания в Республике Адыгея" [16].

Важно подчеркнуть, что среди священнослужителей ислама, буддизма и иных религий не отрицается та самая особая роль православия в истории России. По словам Ю.Н. Сухова "данное убеждение основано на том, что еще с древних времен право России было органически связанно с религией, а именно, – с Христианством, которое не только определяло духовно-нравственное состояние русского народа, но и являлось неотъемлемой формой его общественной жизни и важным фактором правовой культуры" [21, с. 112]. В данном случае уместны также слова выдающегося русского мыслителя, богослова и духовного писателя священномученика архиепископа Илариона (Троицкого), который писал, что "русский народный характер воспитался в течение целых веков под руководством Церкви, а потому отпадение от Церкви для русского человека и является почти отпадением от России" [2, с. 407].

И, тем не менее, представляется, что на современном этапе общественного развития практическая реализация подобного подхода со стороны государства может привести к нарушению принципа равенства религий и способствовать возникновению межнациональных и межконфессиональных конфликтов.

В-третьих, наличие языковых неточностей прослеживается также при использовании в Федеральном законе "О свободе совести и о религиозных объединениях" терминов, обозначающих лиц, участвующих в деятельности религиозной организации. В тексте закона встречаются такие термины как "член организации", "участник организации", "работник организации", "служители организации", "священнослужители", "последователи организации". Представляется, что термин "участник организации" имеет наиболее общее значение и успешно применяется в гражданском законодательстве. Однако, если терминология, обозначающая должности, например, Русской Православной Церкви, содержится в ее Уставе, то терминология, обозначающая юридический статус официальных представителей религиозных организаций (священнослужитель, последователь), несомненно, нуждается в законодательном дефинировании.

В-четвертых, обращает на себя внимание правовое качество законодательства об ответственности за оскорбление религиозных чувств. Принятый в июне 2013 года Федеральный закон "О внесении изменений в статью 148 Уголовного кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях противодействия оскорблению религиозных убеждений и чувств граждан" [9], известный также как закон об оскорблении чувств верующих, вызывает ряд вопросов, связанных с использованными в нем терминами.

Основным вопросом является употребление в наименовании закона об оскорблении чувств верующих формулировки "религиозные убеждения и чувства", которая в силу размытости ее содержания может привести к многочисленным злоупотреблениям. Использованное понятие "чувства" является оценочным и не дает полного представления о том, что же именно подразумевается под указанной формулировкой. Более того, определить данное понятие на законодательном уровне невозможно, поскольку оно является глубоко индивидуальным и не может быть проанализировано в полной мере. Представляется, что религиозные чувства со-

пряжены с эмоциональным отношением верующих ко всему, что связанно с их религией. Поэтому с юридической точки зрения трудно определить, какие чувства следует относить к религиозным. Тоже можно сказать и о понятии "религиозные убеждения". Данное понятие также является оценочным и подразумевает под собой личные убеждения человека относительно каких-либо религиозных явлений.

Важно понимать, что религиозные убеждения конкретного человека могут не совпадать с «официальными» установками той религии, к которой он себя относит, либо вообще отсутствовать. Человек может считать себя не принадлежащим к какой-либо вере, но при этом иметь религиозные убеждения. При отсутствии законодательной дефиниции под формулировкой "религиозные убеждения и чувства" можно понимать практически что угодно. Необходимо осознавать, что объем религиозных чувств и степень религиозных убеждений как у обычных граждан, так и у адептов той или иной конфессии могут быть различными и совершенно противоположными, даже если речь идет о представителях одной веры.

В-пятых, использование в законодательстве понятия "верующий" также является некорректным, поскольку сами представители различных религиозных направлений не едины во мнениях относительно того, какой именно смысл заложен в данное понятие и кого следует считать таковым. Нет необходимости отрицать тот факт, что большинство людей причисляют себя к верующим просто в силу традиции, не соблюдая при этом никаких религиозных обрядов и норм, соответствующих своей вере. В данном случае согласимся с О.Е. Казьминой, которая отмечает, что "человек верит в свою принадлежность к конфессии по фактам рождения в той или иной группе, связи с данной культурной средой и может даже не задумываться над сутью доктринальных положений (человек знает, что рожден в традиционно православной среде, был крещен в младенчестве, и уже этого ему достаточно, чтобы называть себя православным)" [3, с. 5]. Соответственно наличие данного термина в тексте законодательного акта может привести к разногласиям и протестам со стороны общественности в целом. Представляется, что использованное в статье 148 Уголовного кодекса Российской Федерации понятие «верующие» необходимо заменить устоявшимся в юридическом языке термином "граждан".

Подводя итог, следует отметить, что нормы, содержащие неточные термины, могут стать причиной не только правовых коллизий, но и пробелов в законодательстве в результате излишнего "сужения" границ общественных отношений, урегулируемых данным актом. Проведенный анализ проблем использования терминов в законодательстве, регулирующем религиозные отношения, не является окончательным и требует дальнейшего исследования. Однако уже сейчас необходимо упомянуть об отсутствии в российском "религиозном" законодательстве определений таких терминов как "верующий", "вероисповедание", "конфессия", "религия", "священные (святые) места", "религиозный обряд", "религиозный ритуал", "религиозная церемония", "религиозные убеждения", "религиозные чувства", "свобода совести", "свобода вероисповедания" и т.д. В тоже время следует отметить, что в некоторых российских регионах указанная проблема частично урегулирована. Так, в Законе Волгоградской области "О защите прав граждан на свободу совести и свободу вероисповедания на территории Волгоградской области" [10] содержится определение термина "свобода совести, свобода вероисповедания", в Законе Республики Бурятия "О религиозной деятельности на территории Республики Бурятия" [11] содержатся определения терминов "религия", "вероисповедание (конфессия)", "святые (священные) места", в Законе Республики Тыва "О свободе совести и религиозных организациях" [15] содержатся определения терминов "атеизм", "свобода совести", "традиционные конфессии", "религиозный культ" и т.д.

Складывающаяся система взаимоотношений между государством и религиозными объединениями в Российской Федерации постепенно приобретает характер сотрудничества на основе четкого разделения их функций. Эта система взаимоотношений позволяет религиозным объединениям принимать участие в различных сферах жизни общества. Подобное сотрудничество предполагает совместную деятельность в таких областях, как миротворчество на международном, межэтническом и межконфессиональном уровнях, совместная реализация социальных программ, охрана, восстановление и развитие исторического и культурного наследия [23, с. 279]. Однако "государство не вправе, вопреки воле общества, навязывать ему модель государственно-конфессиональных отношений, фактически складывающаяся в об-

ществе она должна учитываться государством при установлении четких правовых рамок сотрудничества государства и религиозных объединений" [5, с. 7]. В тоже время "участие государства в виде поддержки или установления особых отношений с определёнными религиозными объединениями является недопустимым" [4, с. 46].

Таким образом, несмотря на закрепление в Основном законе России таких положений как светскость государства, свобода вероисповедания, равенство граждан вне зависимости от их отношения к религии и др., приходится констатировать, что при регулировании государственно-конфессиональных отношений они учитываются не в полной мере. Неосознанное повышение статуса той или иной религии на законодательном уровне может спровоцировать угрозу религиозной безопасности, поэтому при совершенствовании законодательства, регулирующего религиозную сферу, необходимо строго соблюдать конституционный принцип отделения религии от государства, а также принцип равенства религий и религиозных объединений. Особая роль при этом должна быть отведена терминам и дефинициям, представляющим собой основу содержания документа и необходимыми для восприятия точного смысла, заложенного в то или иное понятие, используемое в законе.

Библиографический список

1. Афанасьев П.Б. Природа правового регулирования религиозных отношений: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. 12.00.01 / П.Б. Афанасьев Нижний Новгород, 2008. 29 с.
2. Иларион Троицкий. Преображение души / Отв. ред. О.А. Платонов. М.: Институт русской цивилизации, 2012. 480 с.
3. Казьмина О.Е. Русская Православная Церковь и проблемы идентичности, религиозного законодательства и прав человека в современной России // Этнографической обозрение. 2009. № 1. С. 3–12.
4. Карпушкин А.В. Конституционное равенство религиозных объединений и традиционные ценностные системы в России (вопросы либеральной парадигмы Конституции РФ) // Альманах современной науки и образования. 2009. № 11 (30). Ч. II. С. 44–48.
5. Клименко Е.Н. Взаимоотношения государства и религиозных объединений в российской федерации: конституционно-правовые аспекты: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. 12.02.02. / Е.Н. Клименко М., 2007. 28 с.
6. Комаров С.А. Общая теория государства и права. СПб.: Издательство Юридического института, 2012. 608 с.
7. Конституция Российской Федерации 1993 года // Российская газета. 1993. № 237.
8. Кулакова Ю.Ю. Свобода совести и вероисповедания. Проблема религиозной безопасности в современной России // Закон и право. 2014. № 11. С. 32–36.
9. О внесении изменений в статью 148 Уголовного кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях противодействия оскорблению религиозных убеждений и чувств граждан: федеральный закон от 29 июня 2013 г. № 136-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2013. № 26. Ст. 3209.
10. О защите прав граждан на свободу совести и свободу вероисповедания на территории Волгоградской области: закон Волгоградской области от 27 ноября 2001 г. № 634-ОД // Волгоградская правда. 2002. № 6.
11. О религиозной деятельности на территории Республики Бурятия: закон Республики Бурятия от 23 декабря 1997 г. № 610-I // Ведомости Народного Хурала Республики Бурятия. 1998. № 21 (32).
12. О свободе вероисповеданий: закон РСФСР от 25 октября 1990 г. № 267-1 // Ведомости Съезда НД РФ и ВС РФ. 1990. № 21. Ст. 240.
13. О свободе совести и о религиозных объединениях: закон Республики Татарстан от 14 июля 1999 г. № 2279 // Ведомости Государственного Совета Татарстана. 1999. № 8.
14. О свободе совести и о религиозных объединениях: федеральный закон от 26 сентября 1997 г. № 125-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1997. № 39. Ст. 4465.
15. О свободе совести и религиозных организациях: закон Республики Тыва от 1 апреля 1995 г. № 253 // Тувинская правда. 1995. № 253.
16. О свободе совести и свободе вероисповедания в Республике Адыгея: закон Республики Адыгея от 12 января 1999 г. № 107 // Собрание законодательства Республики Адыгея. 1999. № 1.
17. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года: указ Президента РФ от 12 мая 2009 г. № 537 // Собрание законодательства РФ. 2009. № 20. Ст. 2444.
18. О федеральной целевой программе "Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов России (2014 – 2020 годы)": постановление Правительства РФ от 20 августа 2013 г. №

718 // Собрание законодательства РФ. 2013. № 35. Ст. 4509.
19. Осипова Л.В. Правовой статус религиозных объединений как института гражданского общества в современной России: автореф. дис. … канд. юрид. наук. 12.01.01 / Осипова Л.В. М., 2009. 25 с.
20. Пронина М.П. Юридическая техника использования религиозных норм в уголовно-правовой системе России // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2015. № 1 (29). С. 166–170.
21. Сухов Ю.Н. Духовно-нравственные ценности и становление русской государственности // Политика. Власть. Право: Материалы I Международной научно-практической конференции, посвященной памяти и 79-летию со дня рождения заслуженного деятеля науки Российской Федерации, член-корреспондента РАН, доктора юридических наук, профессора Мальцева Геннадия Васильевича (Москва-Белгород, 26 апреля 2014 г.). Вып. 2 / Под ред. С.А. Комарова. М. Белгород: Изд-во ООО «ГиК», 2014. С. 112–127.
22. Шахов М.О. Правовые основы деятельности религиозных объединений в Российской Федерации. М.: Изд-во Сретенского монастыря, 2013. 528 с.

Мамедов Эльшан Фахраддинович, кандидат юридических наук, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин, e-mail: vetenim@rambler. ru

Elshan F. Mamedov, Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor of the Department of State and Legal Disciplines, e-mail: vetenim@rambler.ru

УДК 376.32

ПРОБЛЕМЫ ОБЩЕКУЛЬТУРНЫХ И ОБЩЕПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ КОМПЕТЕНЦИЙ В ВЫСШЕМ ОБРАЗОВАНИИ

© И.Л. Королева*, А.С. Меркулов, О.Г. Терехова*****

*Иркутский государственный университет,
664003, Россия, г. Иркутск, ул. Карла Маркса, 3.
**Иркутский национальный исследовательский технический университет,
664074, Россия, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 83.
***Иркутский государственный университет путей сообщения,
664074, Россия, г. Иркутск, ул. Чернышевского, 15.

Реформирование высшей школы на уровне вуза сегодня происходит в форме перехода на компетентностную форму обучения. Компетенции отражают требования к образованию выпускников, которые позволят им эффективно трудиться в качестве специалистов по направлению подготовки, перемещаться по служебной линии, выполнять функции гражданина и реализовать себя как личность. Однако они пока не стали предметом широкого обсуждения со стороны преподавателей. Переход на новый принцип обучения встречает сильное сопротивление с их стороны, что делает фактически не реализуемыми цели реформы. В статье предпринимается попытка анализа общекультурных и общепрофессиональных компетенций.

Ключевые слова: реформа высшей школы, общекультурные и общепрофессиональные компетенции.

PROBLEMS OF GENERAL CULTURAL AND PROFESSIONAL COMPETENCIES IN HIGHER EDUCATION

I.L. Koroleva*, A.S. Merkulov, O.G. Terekhova*****

*Irkutsk State University,
1, Karl Marx Str., Irkutsk, Russia, 664003.
**Irkutsk National Research Technical University,
83, Lermontov Str., Irkutsk, Russia, 664074.
***Irkutsk State University of Railway Engineering,
15, Chernyshevsky Str., Irkutsk, Russia, 664074.

Reforms of higher education are taking place these days by means of transition to a competency-based study. The competencies assume the requirements for graduates' education that will enable them to work effectively, to move up the career ladder, to perform their civic duties and to fulfill their potential. However, these competencies have not become yet the topic of lecturers' debates. Transition to a new training policy meets their strong resistance that makes actually the goal of reforms impossible to achieve. The paper analyzes the general cultural and professional competencies.

Keywords: reform of higher school, general cultural and professional competencies

Цель статьи состоит в критическом анализе компетенций, предложенных ФГОС3+, и исследовании некоторых проблем перехода на компетентностный метод обучения.

В соответствии с Федеральным законом об образовании в Российской Федерации высшая школа предназначена готовить кадры для общества. Обществу, где господствует рыночная экономика, необходима рабочая сила, адекватная рабочим местам. Следовательно, требования работодателей в соответствии с их рациональным поведением, в основном, направлены на формирование дешевой рабочей силы. И только часть выпускников высшей школы должна быть подготовлена для выполнения высокотехнологических и творческих работ. Это накладывает серьезный отпечаток на требования к подготовке в сфере высшей школы высококвалифицированной рабочей силы, что находит практическое выражение в требовании формирования компетенций на основе профессиональных стандартов [1]. Отчасти именно с этим связано введение двухуровневого образования, выделение прикладного бакалавриата и магистратуры, что затрудняет горизонтальное перемещение рабочей силы, привязывая человека именно к одной профессии. Это, с одной стороны, противоречит тенденции все ускоряющегося процесса изменения производительных сил, приводящего к созданию качественно

новых рабочих мест, с другой – усиливает безработицу. В последнем заинтересованы работодатели. По сути дела еще в период подготовки новых стандартов был сделан ориентир на обучение кадров для бизнеса [2].

Интересы студентов направлены на иные цели. Они ожидают от вузов знаний, умений и навыков, дающих им возможность легко менять специальности при минимуме трудовых затрат на обучение, сроках и стоимости обучения.

У государства есть свои специфические интересы к содержанию обучения. Оно заинтересовано в воспитании своих граждан в соответствии с государственной идеологией.

Но эти интересы, влияющие на модель выпускника, представленную в Федеральных стандартах, входят в противоречие с интересами большей части современного российского бизнеса, который заинтересован, прежде всего, в формировании профессиональных компетенций и только за них готов платить деньги.

Западный бизнес в большей степени осознает необходимость общекультурных компетенций, как условия эффективного использования работника. Именно такая модель функционирует в западноевропейском высшем образовании. Однако данный подход хорош при условии, что интересы студента совпадают с интересами работодателя. Соотношение между интересами будущих работников и содержанием трудового процесса или качеством рабочего места исследовано в России крайне слабо. Налицо асимметрия информации. Она имеет много форм проявления, в частности, в различиях структуры предлагаемых рабочих мест и обучения, которая формируется под влиянием, в основном, интересов абитуриентов. Государство это противоречие может разрешить и в последнее время так и делает, путем увеличения количества бюджетных мест, например, на инженерные специальности. Но в рыночной нише высшего образования этот процесс является неуправляемым. Тем не менее в литературе все чаще звучит призыв к переходу к студенто-центрированному обучению (когда на первый план в организации учебного процесса выходят интересы не только учебного заведения и преподавателя, но и студента).

Практика последних лет показывает, что высшее образование сделало значительный шаг именно в этом направлении, что проявилось в резком увеличении требований в открытии прикладного бакаливриата, прикладной магистратуры, создании базовых кафедр. Требования работодателя должны быть представлены в виде четких сформулированных результатов. Они в российской педагогической литературе получили название компетенций, а обучение, ориентированное на формирование у выпускников этих результатов, компетентностным. Федеральные стандарты формулируют эти компетенции и условия их реализации.

Переход к компетентностному процессу обучения создал ряд проблем, без решения которых реформирование учебного процесса превратилось в пустую бюрократическую процедуру.

Общекультурные компетенции выражают интересы работников как личностей, что дает им возможность самореализации, и интересы государства, которые заключаются в необходимости формирования определенной идеологии. Эти компетенции не нужны бизнесу, поскольку они ведут к удорожанию процесса обучения, нечетко выражен к ним интерес и у студентов. Но поскольку государство предлагает долгосрочные цели общества и прежде всего бизнеса, то они, без сомнения, должны быть представлены в федеральных стандартах. Может ли компетенция одного уровня обучения формировать элементы компетенции другого? Так, например, общекультурная компетенция при подготовке магистров по направлению «Экономика» – «способность абстрактного мышления, анализа и синтеза» может формироваться не только в процессе изучения методологии научного исследования, но и любого другого предмета. А разве использование информационных технологий в других предметах не совершенствует навыки владения информационными технологиями? Практика подготовки ОПП показывает, что фактически разнесение компетенций по предметам определяется не соответствием содержания компетенции и предмета, а количеством часов, выделенных по учебному плану на данную дисциплину.

Общепрофессиональные компетенции дают возможность специалисту перемещаться как по вертикали, т. е. реализовать карьерный рост, так и по горизонтали, меняя покупателя своей рабочей силы, что увеличивает её мобильность. Это важно не для отдельного работода-

теля, а для всей экономики, так как позволяет человеку перемещаться в соответствии со структурными изменениями. Последнее имеет и положительный социальный результат: снижается длительность пребывания в статусе безработного.

Достаточно сложно исследовать все эти три уровня компетенций как взаимосвязанные, если исходить из нормативных документов. Федеральные стандарты показывают полную изолированность компетенций между собой. Низкий уровень обобществления российского капитала не дает возможность большинству собственников осознать единство своих и государственных интересов. Это противоречие просматривается при анализе требований к специалисту со стороны малого и крупного бизнеса. Только последний может использовать общепрофессиональные и общекультурные компетенции своих работников для повышения эффективности.

Проблема взаимосвязи компетенций стала актуальной при определении предметов, посредством которых они формируются, и при разработке новых компетенций для магистров и аспирантов, поскольку федеральные стандарты дают такое право вузам. Формирование новых компетенций должно более полно отражать профессиональные компендии, т.е. учитывать особенности рабочих мест. Эти компетенции по задумкам авторов реформы должны быть тесно увязаны с профессиональными стандартами, т. е. разрабатываться вузами в сотрудничестве с бизнесом. Широко известной практики такого взаимодействия нет. Реализация новых компетенций требует серьезных инвестиций, и не ясно, кто их будет вкладывать, и кто получать доход.

В научной литературе общекультурные и общепрофессиональные компетенции часто называются основными или ключевыми. Они являются одинаковыми для всех направлений специалистов, которых готовит высшая школа. Поэтому было бы целесообразно в ФГОС общекультурные компетенции сделать одинаковыми. Исключение возможно только для «творческих» вузов. Примером могут служить формулировки компетенций, приведенные в таблице 1.

Таблица 1

Характеристика основных и ключевых компетенций специалиста *[3]*

Социальная (межкультурная, политическая)	Способность взять на себя ответственность, вырабатывать решения и принимать участие в их реализации; толерантность; проявление сопряженности личных интересов с потребностями производства и общества.
Коммуникативная	Владение технологиями устного и письменного общения на разных языках, в том числе языке компьютерного программирования; умение пользоваться системой Интернет.
Информационная	Обладание информационным ресурсом; владение информационными технологиями; критическое отношение к полученной информации.
Специальная	Подготовленность к самостоятельному, творческому выполнению профессиональных функций; готовность к объективной оценке себя и результатов своего труда.
Персональная (когнитивная)	Готовность к постоянному повышению своего образовательного уровня; потребность в актуализации и реализации личностного потенциала; способность самостоятельно приобретать новые знания и умения; стремление к саморазвитию, постоянному обогащению своей профессиональной компетентности.

Важно также понять, как профессиональные компетенции взаимодействуют с общекультурными и общепрофессиональными. Одним из моментов усложнения рабочих мест является необходимость коммуникабельности человека. Это качество характеризует повышение роли управления, как основного фактора увеличения производительности труда. Управленческие отношения становятся необходимыми почти на всех ступеньках должностного роста и расширяются по мере карьерного движения. Если требования к рабочим местам усложняют-

ся, то это требует умений и навыков в принятии решения, т.е. способности к творчеству. Кроме того, развитие коммуникативных взаимосвязей в процессе трудовой деятельности требует формирования общекультурных компетенций, поскольку меняется и рабочая сила в направлении усиления стремления в трудовом процессе реализовать себя. Увеличивается и гражданская ответственность человека, поэтому государство, как один из субъектов рынка рабочей силы, требует формирования общекультурных компетенций. Однако здесь четко проявляется противоречие потребностям основной массы бизнеса, который ограничивается профессиональными компетенциями, потребностями работников и государства. В будущем, по мере ускоряющегося процесса изменения содержания труда, производительность будет более зависеть не только от профессиональных, но и от общепрофессиональных и общекультурных компетенций.

К сожалению, федеральные стандарты разных направлений, определяющие круг компетенций, формируемых у специалистов, мало связаны между собой. Вероятно, это можно объяснить отсутствием четкого представления у разработчиков федеральных стандартов о функциях работника в том или ином виде деятельности.

Часто складывается ситуация, когда существующие дисциплины не разрывают предполагаемые компетенции. И наоборот, нет дисциплин, которые бы формировали компетенции. Предметы есть — компетенций нет, компетенции есть — предметов нет. Конечно, можно в каждой дисциплине находить те конкретные моменты, в которых бы раскрывались те или компетенции или их составные части. Вероятно, возможен вариант, когда во многих дисциплинах, непосредственно не направленных на формирование определенной или группы компетенций, можно раскрыть многие общекультурные и общепрофессиональные компетенции.

Библиографический список

1. Методические рекомендации по актуализации действующих федеральных государственных образовательных стандартов высшего образования с учетом принимаемых профессиональных стандартов (утверждены Министром образования Российской Федерации Ливановым Д.В. от 22.01.2015 № ДЛ-02/05вн.)/ Портал Федеральных государственных образовательных стандартов высшего образования. URL: http://fgosvo.ru/support/43/5/8/ (5.04.2016).
2. Сенашенко В.С. О соотношении профессиональных стандартов и ФГОС высшего образования // Высшее образование в России. 2015. № 6. URL: http://www.vovr.ru/upload/6-15.pdf (15.04.2016).
3. О разработке нового поколения государственных образовательных стандартов и поэтапном переходе на уровневое высшее профессиональное образование с учетом требований рынка труда и международных тенденций развития высшего образования: справка к заседанию коллегии Минобрнауки России от 31 января 2007 года /Федеральный портал «Российское образование». URL: http://www.edu.ru/db/portal/spe/3v/310107l.htm (12.04.2016).
4. Силакова Л. В. Профессиональные компетенции и способы их формирования в ВУЗе //Научный журнал НИУ ИТМО. Серия «Экономика и экологический менеджмент». 2014. №2.URL: http://economics.ihbt.ifmo.ru/ru/article/11116/article_11116.htm (15.04.2016).

Королева Ирина Львовна, старший преподаватель кафедры экономической теории и управления, e-mail: koroleva.irkutsk@gmail.com
Меркулов Анатолий Сергеевич, кандидат экономических наук, доцент кафедры экономической теории и финансов, e-mail:terehova@aport.ru
Терехова Ольга Гавриловна, кандидат экономических наук, доцент кафедры мировой экономики и экономической теории, e-mail: terehova@aport.ru

Irina L. Koroleva, a Senior Lecturer of Economics and Management Department,
e-mail: koroleva.irkutsk@gmail.com
Anatoly S. Merkulov, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of Economic Theory and Finances Department, e-mail: terehova@aport.ru
Olga G. Terekhova, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of World Economy and Economic Theory Department e-mail: terehova@aport.ru

УДК 376

ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ИНКЛЮЗИВНОГО ОБРАЗОВАНИЯ ДЕТЕЙ

© Т.А. Жданко*
*Иркутский национальный исследовательский технический университет,
664074, Россия, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 83.

В данной статье рассмотрены психолого-педагогические особенности инклюзивного образования детей: виды интеграции (комбинированная, частичная, полная, временная, постоянная) детей с особыми нуждами в среду нормально развивающихся сверстников, проектирование компонентов (пространственно-предметный, содержательно-методический, коммуникативно-организационный) и условия инклюзивной образовательной среды, психологическое сопровождение (профилактика, диагностика, консультирование и др.) всех субъектов инклюзивного образования.
Ключевые слова: инклюзивное образование, формы интеграция детей с особыми нуждами, компоненты и условия инклюзивной образовательной среды, виды и функции комплексного психологического сопровождения субъектов инклюзивного образования.

PSYCHOLOGICAL AND PEDAGOGICAL FEATURES OF CHILDREN' INCLUSIVE EDUCATION

T.A. Zhdanko*
*Irkutsk National Research Technical University (INRTU),
83 Lermontov Str., Irkutsk, Russia, 664074.

The article considers the psychological and pedagogical features of child's inclusive education: types of integration (combined, partial, complete, temporary, permanent) of children with special needs into environment of those who do not have such needs, design of components (spatial and objective, conceptual and methogological, communicative and organizational ones) and conditions of inclusive learning environment, psychological follow-up (preventive measures, diagnostics, counselling,etc.).
Keywords: inclusive education, forms of integration of children with special needs, components and terms of inclusive learning environment, types and functions of complex psychological support of inclusive learning objects.

В современных условиях инклюзивное образование является приоритетным направлением развития социальной образовательной политики большинства развитых стран, в том числе и Российской Федерации.

Необходимость инклюзивного образования актуализована статьями 5, 79 Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации», где определены право для получения качественного образования лицами с ограниченными возможностями здоровья и правила организации получения образования такими обучающимися [1].

Инклюзивное образование – (от франц. inclusif – включающий в себя) термин, используемый для описания процесса обучения детей с особыми потребностями в образовательных (массовых) учреждениях, отражающим новый взгляд не только на систему образования, но и на место человека в обществе [2].

Инклюзивное образование основано на том, что все дети, несмотря на свои физические, интеллектуальные и иные особенности, включены в общую систему образования – они воспитываются и обучаются вместе со своими сверстниками по месту жительства в массовых образовательных организациях, где учитываются их особые образовательные потребности. Особое место в развитии инклюзивного образования принадлежит созданию собственно образовательной среды, в широком смысле слова.

Целесообразным является создание такой образовательной среды, которая обеспечивает процессы гуманизации образования, является природосообразной возможностям ребенка, создает психологические условия, максимально благоприятствующие саморазвитию каждого ребенка.

Идея инклюзивного обучения, как педагогической среды, органично соединяющей специальное и общее образование с целью создания условий для преодоления у детей социальных последствий генетических, биологических дефектов развития («социальных вывихов»), принадлежит Л.С. Выготскому, который еще в 30-е годы XX века одним из первых обосновал необходимость такого подхода для успешной практики социальной компенсации имеющегося у ребенка физического дефекта. Л.С. Выготский писал: «Необходимо создать такую систему обучения, которой удалось бы органично увязать специальное обучение с обучением детей, имеющих нормальное развитие. При всех своих достоинствах наша специальная школа отличается тем основным недостатком, что замыкает своего воспитанника – слепого, глухого или умственно отсталого ребёнка – в узкий круг коллектива, создаёт такой мир, в котором всё фиксирует его внимание на своём недостатке, а не вводит его в настоящую жизнь. Дети с особыми образовательными потребностями нуждаются не только в особом отношении и поддержке, но также в развитии своих способностей и достижении успехов при обучении в школе» [3].

Психологами и педагогами доказано, что отношения и взаимодействие здоровых детей со сверстниками с ограниченными возможностями здоровья являются важнейшим фактором, обеспечивающим успешность инклюзивного образования (С.В. Алехина, Л.Н. Давыдова, Ю.М. Забродин, Э.И. Леонгард, Д.М. Маллаев, Н.Н. Малофеев, Н.Н. Назарова, Л.М. Шипицына, Н.Д. Шматко).

Вместе с тем, ряд важных вопросов остается открытым, в частности, психологические особенности инклюзивного образования для различных категорий детей.

При этом важно помнить, что под «различными категориями детей» понимаются дети с различными вариантами нарушений психофизического развития (по классификации, предложенной В.А. Лапшиным и Б.П. Пузановым):

- дети с нарушениями слуха (глухие, слабослышащие, позднооглохшие);
- дети с нарушениями зрения (слепые, слабовидящие);
- дети с нарушениями речи (логопаты);
- дети с нарушениями опорно-двигательного аппарата;
- дети с умственной отсталостью;
- дети с задержкой психического развития;
- дети с нарушениями поведения и общения;
- дети с комплексными нарушениями психофизического развития, с так называемыми сложными дефектами (слепоглухонемые, глухие или слепые дети с умственной отсталостью) [4].

Одной их психолого-педагогических особенностей инклюзивного образования является интеграция детей с особыми нуждами в среду нормально развивающихся сверстников.

Сегодня специалистами Института коррекционной педагогии Российской Академии образования и Санкт-Петербургского университета им. Валленберга выделены следующие формы интеграции детей с особыми нуждами в среду нормально развивающихся сверстников:

комбинированная интеграция, при которой дети с уровнем психофизического и речевого развития, соответствующим или близким к возрастной норме, по 1-2 человека на равных обучаются (воспитываются) в массовых классах (группах), получая постоянную коррекционную помощь учителя-дефектолога специального класса (группы);

частичная интеграция, при которой дети с проблемами в развитии, еще не способные на равных со здоровыми сверстниками овладевать образовательным стандартом, вливаются в массовые классы (группы) лишь на часть дня (например, на его вторую половину, на отдельные занятия) по 1-2 человека;

временная интеграция, при которой все воспитанники специального класса (группы) вне зависимости от уровня психического и речевого развития объединяются со здоровыми сверстниками не реже 1-2 раз в месяц для проведения различных мероприятий воспитательного характера, например, на праздниках, соревнованиях, отдельных занятиях;

полная интеграция эффективна для детей, которые по уровню психофизического развития соответствуют возрастной норме и психологически подготовлены к совместному обуче-

нию со здоровыми сверстниками. Такие дети по 1-2 человека включаются в обычные группы детского сада или классы массовых школ. При этом они обязательно должны получать коррекционную помощь либо по месту обучения (например, дети с нарушениями речи в логопункте образовательной организации (ОО), либо в группе кратковременного пребывания специального детского сада или школы, либо в разнообразных центрах (например, дети с нарушениями слуха в сурдологических кабинетах системы здравоохранения).

С точки зрения нахождения ребенка в ОО можно выделить *временную* и *постоянную* формы интеграции. Постоянная предполагает воспитание и обучение ребенка с особыми нуждами в массовом ОО на протяжении всего времени. Временная интеграция – включение на определенные периоды (например, для осуществления какого-либо вида совместной деятельности).

Если модели полной и комбинированной интеграции могут быть эффективны для детей с нарушениями речи, зрения, слуха, опорно-двигательного аппарата, задержкой психического развития, то модели частичной и особенно временной интеграции целесообразны для детей-инвалидов и для лиц с интеллектуальной недостаточностью [5].

Проектирование компонентов образовательной среды также является психолого-педагогической особенностью инклюзивного образования детей. Выделение на основе работ Е.А. Климова, В.А. Ясвина, С.В. Тарасова, в которых предложены составляющие образовательной среды учреждения, можно выделить структуру инклюзивной образовательной среды, как пространства социализации детей с различными возможностями и особенностями:

– пространственно-предметный компонент (материальные возможности учреждения – доступная (безбарьерная) архитектурно-пространственная организация; обеспеченность современными средствами и системами, соответствующими образовательным потребностям детей);

– содержательно-методический компонент (индивидуальный маршрут развития ребенка, адаптированный, вариативность и гибкость образовательно-воспитательных методик, форм и средств);

– коммуникативно-организационный компонент (личностная и профессиональная готовность педагогов к работе в смешанной (интегрированной) группе, благоприятный психологический климат в коллективе, управление командной деятельностью специалистов) [6].

К условиям организации инклюзивной образовательной среды А.С. Сунцова относит:

– *обеспечение соблюдения прав обучающихся на осуществление полноценного образования.* Инклюзивная образовательная среда служит реализации права каждого ребенка на образование, соответствующее его потребностям и возможностям, вне зависимости от региона проживания, тяжести нарушения психофизического развития, способности к усвоению цензового уровня образования и вида учебного заведения;

– *организационно-методическая поддержка образовательного процесса* (индивидуальный образовательный маршрут, адаптированная образовательная программа ребенка с ОВЗ; инновационные информационные технологии в образовательном процессе; воспитательная работа, используемая в образовательном процессе; текущий и итоговый контроль знаний учащихся);

– *преемственность дошкольного и школьного образования на уровне дидактических технологий, образовательных программ, воспитательного пространства учреждений.* Создание гибкой и вариативной организационно-методической системы, адекватной образовательным потребностям детей с различными возможностями, обеспечивается преемственностью систем дошкольного и школьного образования. Совместная деятельность специалистов детского сада и школы осуществляется как сотрудничество по выработке совместных решений в сфере создания педагогических условий инклюзии. Сотрудничество осуществляется в следующих формах: *совместное проведение педагогических советов и совещаний*, родительских собраний, воспитательных мероприятий, занятий в школе будущего первоклассника;

– *комплексное и многоуровневое сопровождение участников образовательного процесса:* педагога (научный руководитель, администрация), обучения детей (дефектолог, психолог, родители) и социализации детей (психолог, родители, волонтеры).

Психологическое сопровождение, как особенность инклюзивного образования участников образовательного процесса, реализуется посредством следующих инновационных технологий, которые в совокупности реализуют комплексный разноуровневый характер психологического сопровождения участников педагогического процесса: технология адаптации ребенка к новой образовательной ступени; технология сопровождения педагога; технология помощи ребенку в процессе обучения; технология взаимодействия с семьей; технология воспитания личности.

Виды (направления) комплексного психологического сопровождения:

- профилактика;
- диагностика (индивидуальная и групповая (скрининг));
- консультирование (индивидуальное и групповое);
- развивающая работа (индивидуальная и групповая);
- коррекционная работа (индивидуальная и групповая);
- психологическое просвещение и образование (повышение психолого-педагогической компетентности учащихся, администрации, педагогов, родителей).

В основе поддержки лежит метод комплексного психологического сопровождения, реализующего четыре функции:

- диагностика возникающих у ребенка проблем;
- поиск информации о сути проблемы и способах ее разрешения;
- консультация на этапе принятия решения и выработке плана решения проблемы;
- помощь на этапе реализации решения проблемы.

– *техническое обеспечение образовательного процесса как параметр безбарьерной (доступной) среды*. Доступная среда предполагает наличие пандусов, лифтов, специально оборудованных туалетов, ЛФК, медицинского кабинета, специально оборудованного спортивного зала и др. Для различных категорий детей предполагаются специальные технические средства (например, для детей с нарушенным слухом характеристики безбарьерной среды определяются наличием индивидуальных слуховых аппаратов (или кохлеарных имплантов), FM-систем, а также внедрением компьютерных технологий в учебный процесс, облегчающих освоение образовательной программы; для детей с нарушенным зрением необходимо повышенная освещенность (не менее 1000 люкс) или местное освещение не менее 400-500 люкс, оптические средства – лупы, специальные устройства для использования компьютера, телевизионные увеличители, аудиооборудование для прослушивания «говорящих книг», учебные материалы с использованием шрифта Брайля) [6];

– *одной из системообразующих характеристик эффективной образовательной среды выступает ее безопасность (физическая и психологическая)*. Психологически безопасной средой можно считать такую среду, в которой большинство участников имеют положительное отношение к ней; высокие показатели индекса удовлетворенности взаимодействием и защищенности от психологического насилия (И.А. Баева, Е.Б. Лактионова). В контексте проблемы построения и функционирования инклюзивной образовательной среды указанный аспект требует специальной разработки и обоснования [6];

– *взаимодействие всех участников образовательного процесса* (детей, родителей, педагогов и персонала). Совместное сотрудничество создает особую среду и культуру, в которой абсолютно все будут равноценны и причастны. Практика совместной работы и участия основывается и поддерживается совместно разделяемыми ценностями учеников и персонала учреждения, в соответствии с которыми учитывались особенности каждого ребенка или взрослого. Эти ценности отражались не только на том, как персонал учреждения относится к детям, но и на взаимодействии взрослых, искренней радости талантам и особенностям каждого человека;

– *мониторинг инклюзивного образования* (отслеживание индивидуальных образовательных достижений обучающихся и др.).

Обучение детей с особыми образовательными потребностями без учета охарактеризованных психолого-педагогических особенностей (различная интеграция детей с особыми нуждами в среду нормально развивающихся сверстников, проектирование компонентов образовательной среды, психологическое сопровождение всех субъектов инклюзивного образо-

вания) представляется весьма затруднительным. При этом следует понимать, что для различных категорий детей с ОВЗ, каждая из приведенных выше особенностей, обеспечивающих реализацию необходимого уровня и качества образования, а также необходимую социализацию этой категории детей, будет представлена различной степенью выраженности.

Библиографический список

1. Об образовании в Российской Федерации: федеральный закон РФ от 21 декабря 2012 года № 273 - ФЗ [Электронный ресурс]. URL: http://www.zakonrf.info/zakon-ob-obrazovanii-v-rf/ (19.09.2016).
2. Форум Inva-life.ru [Электронный ресурс]. URL: http://www.inva-life.ru/forum/43-86-1 (19.09.2016).
3. Выготский Л.С. Психология развития как феномен культуры / под ред. М.Г. Ярошевского. М., 1996. 512 с.
4. Горбунова А. Ю. От интеграции к инклюзии. [Электронный ресурс]. URL: http://pandia.ru/text/78/154/17481.php (24.11.2014).
5. Писаревская, М.А. Формирование толерантного отношения к детям с ограниченными возможностями в условиях инклюзивного образования / М.А.Писаревская. Краснодар: Краснодарский ЦНТИ, 2013. 132 с.
6. Сунцова А.С. Теории и технологии инклюзивного образования: учебное пособие. Ижевск: Изд-во «Удмуртский университет», 2013. 110 с.

Жданко Татьяна Александровна, доцент кафедры психологии, e-mail: tatiana-zhdanko@mail.ru

Tatyana A. Zhdanko, Associate Professor of Psychology Department, e-mail: tatiana-zhdanko@mail.ru

УДК 159.942.5

ЖИЗНЕННЫЕ СТРАТЕГИИ И ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ БЕЗРАБОТНОЙ МОЛОДЕЖИ

© Н.В. Минина*, О.В. Пуляевская*
*Иркутский национальный исследовательский технический университет,
664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 83.

Представлен психологический подход к исследованию проблемы психологических причин развития безработицы в молодежной среды. На основе данных, полученных в ходе эмпирического исследования, показаны сравнительные результаты проявления мотивационно-ценностных позиций, жизненных стратегий молодых людей в зависимости от их официальной занятости в трудовой деятельности.
Ключевые слова: безработная молодежь, жизненные стратегии, самоопределение личности, мотивационно-ценностная сфера личности.

LIFE STRATEGIES AND PSYCHOLOGICAL FEATURES OF UNEMPLOYED YOUTH

N.V. Minina*, O.V. Pulyaevskaya*
*Irkutsk National Research Technical University,
83 Lermontov Str., Irkutsk, Russia, 664074.

The article presents a psychological approach to the study of problems of psychological reasons for development of youth unemployment. Based on the data obtained from the empirical research the authors reveal the comparative results of manifestation of value-motivational attitudes, life strategies of young people depending on their formal employment.

Keywords: unemployed youth, life strategies, personal identity, value-motivational sphere of a personality.

Одной из острейших социальных проблем, с которыми столкнулось человечество в XX веке – увеличение количества безработной молодежи. На сегодняшний день это один из самых актуальных вопросов как для процветающих государств, так и развивающихся, что вызывает определенную тревогу. Особенно если учесть, что основная часть безработного населения формируется из наиболее активной, образованной, динамичной, перспективной прослойки населения – из молодых людей. Массовая безработица среди них, в силу специфики, не устоявшейся психики, чрезмерных амбиций новоиспеченных специалистов, юношеского максимализма и реактивности, является глубокой проблемой.

Вопрос стратегии жизни безработной молодежи наиболее широко рассматривала К.А. Абульханова-Славская [1]. Жизненная стратегия, по её мнению, – это способ самоопределения личности, обобщенный на основе жизненных ценностей и отвечающих её потребностям. Для каждой личности характерен свой, уникальный способ оценивания и осмысления жизни. К.А. Абульханова-Славская [1] выделила три основных признака жизненной стратегии: разрешение противоречия «хочу-имею»; создание условий для самореализации; творческий поиск. Стратегия жизни может быть активной или пассивной. Активная – это способность при помощи инициативы и ответственности соотнести меру желаемого и необходимого («хочу-имею»). Пассивная характеризуется сниженной инициативностью и ответственностью. У людей, сочетающих инициативу и ответственность, сбалансировано стремление к новизне с готовностью к риску, к неопределенности. Ответственность является такой формой активности, которая дает человеку возможность сохранять автономию и возможность проявить инициативу, т.е. целостно и гармонично вписаться в окружающий мир. Различные типологии жизненных стратегий можно обнаружить в других психологических теориях, которые на основе общественной жизни личности выявляют различные способы жизнеосуществления. О.С. Васильевой и Е.А.Демченко [2] были выделены следующие типы стратегий: «стабильные», «коммерсанты поневоле», «профессионалы», «кормильцы», «летуны», «выпускники», «гедонисты», «универсалы», «меркантильные». Таким образом, под «стратегией» они подразумевают осознанное, мотивированное поведение индивида, направленное на достижение его жизненных целей, реализацию интересов и ценностей. Практика конкурентных отношений побуждает многих вы-

брать идеал преуспевания любой ценой. К.Хорни [6] отмечает, что для удовлетворения стремлений, порой навязываемых общественными шаблонами, растущий человек уже с детства вырабатывает три основные стратегии или личностные ориентации по отношению к другим людям: движение к людям; движение против людей; движение от людей.

Психологическая практика и разнообразные теоретические исследования доказывают, что потеря работы, вследствие вынужденного увольнения, приводит к различным негативным изменениям в поведении и эмоциональных реакциях людей. Молодежь утрачивает возможность удовлетворять свои высшие потребности в самореализации, социальных связях и контактах. Активизируется потребность в безопасности: страшит неизвестность завтрашнего дня, когда нет уверенности в возможности что-либо изменить, на что-то повлиять, утрачивается чувство жизненной стабильности. Затрудняется реализация потребностей низших уровней: приходиться ограничивать себя в средствах, нет возможности реализовать в целенаправленной активности. Неудовлетворенность потребностей, нарушение их привычной иерархии вызывают у безработной молодежи неудовольствие, беспокойство и другие отрицательные эмоции, вплоть до открытой агрессии.

Потеря работы неизбежно сопровождается изменениями в поведении. Молодежь перестает чувствовать себя хозяином собственной жизни, оказывать влияние на ее построение, и жизнь перестает удовлетворять. Можно предположить, что в связи с этим происходят изменения восприятия психологического времени, что, в частности, проявляется в деформации субъективной картины жизненного пути.

С целью изучения особенностей жизненной стратегии безработных нами было проведено исследование в Учебном центре ГОУ "ЦОСТ". Была взята выборка в количестве 16 человек, зарегистрированных в Службе занятости и имеющих статус безработного, из них - женщины в возрасте от 20 до 25 лет. И вторая группа из числа работающей молодежи в количестве 16 человек. Все женщины в возрасте от 21 до 25.

Сравнивая показатели работающей и безработной молодежи, можно четко увидеть сходства и различия, присущие им. Для обеих групп характерна эмоциональность, общительность. Коэффициент интеллекта находится примерно на одном уровне. И тем и другим присуща некая беспечность, легкое отношение к жизни, вера в удачу, смелость, тяга к риску, нечувствительность к угрозе и в то же время ответственность, обязательность, стремление к порядку. Отличаются практичностью, умением разбираться в житейски важных вещах, трезво оценивать обстоятельства и людей. И та и другая группа молодежи имеет разнообразные интеллектуальные интересы, стремится быть хорошо информированной, но обладает критичным мышлением. Характерна гибкость, терпимость к противоречиям, стремление к конструктивным преобразованиям.

Работающая молодежь отличается самостоятельностью, самодостаточностью, независимостью, невысокой инициативой в установлении контактов. Несколько снижен контроль над эмоциями. Возможны поведенческие проблемы. Отсутствие щепетильности в вопросах морали. Легко демонстрирует свои характерологические особенности. Работающей молодежи очень нравится чувствовать превосходство, отстаивая свои права, но она часто неспособна контролировать эмоциональные импульсы. Характерен рациональный реалистический тип, которому в осуществлении намерений мешают повышенная импульсивность и нонконформизм. Работающие молодые люди достаточно подозрительны, склонны к соперничеству, тревожны. Но более расчетливы, более честолюбивы и рациональны, хорошо ориентируются в социальных ситуациях, проницательны в отношении мотивов других людей. Склонны к размышлениям, часто бывают напряжены и чувствительны к замечаниям и порицаниям.

У безработной молодежи снижен контроль над эмоциями, вследствие этого возможны поведенческие проблемы. Но при этом присуща направленность на группу, зависимость от нее, стремление к расширению контактов с людьми. Лидерские качества недостаточно развиты, молодые люди проявляют неуверенность в себе, осторожность, при этом оставаясь спокойными, эмоционально устойчивыми. Непринужденно демонстрируют свои характерологические особенности. Характерен рациональный реалистический тип, которому в осуществлении намерений мешают повышенная импульсивность и нонконформизм. Также им присуща доверчивость, бескорыстность, покладистость, часто они не ожидают враждебности и мо-

гут откровенно рассказывать о себе даже малознакомым. Молодые люди более прямолинейны и наивны, у них отсутствует социальная ловкость. Ведут себя просто, не умеют хитрить и ловчить, сентиментальны, поэтому им трудно логикой обуздать эмоции. Их характеризует некая безмятежность и спокойствие.

Группы характеризуются наличием убеждения в том, что контроль возможен, и в процессе осуществления стратегических замыслов проявляют способность его осуществлять. Они пытаются планировать свою жизнь, управлять энергией, стараются доводить начатое дело до конца. Таким образом, можно сказать, что группа работающей молодежи более активна по сравнению со второй группой. Причина этого лежит в представлении о себе как о сильной личности, которая обладает свободой выбора, что свидетельствует о развитой инициативе. Для них характерна напряженность, возбуждение, неспособность оставаться без дела, даже в обстановке благоприятной для отдыха. Это является одной из основных составляющих активной жизненной стратегии.

Для других характерна расслабленность, отсутствие сильных побуждений и желаний, невозмутимость, удовлетворенность любым положением дел и отсутствие стремления к достижениям и переменам.

Полученные результаты среди работающей молодежи говорят о том, что для неё прежде всего важно материально себя обеспечить, при этом работа должна быть интересной. Также важно общественное признание, активная и продуктивная жизнь. Энергичная деятельная жизнь заключает в себе полноту и эмоциональную насыщенность, которая включает в себя и любовь. Не менее важно для молодежи – построение счастливой семейной жизни.

Неактуальными для данной молодежной группы являются ценности, связанные с необременительным, приятным времяпровождением, отсутствием обязанностей. Несмотря на возраст, молодые люди стремятся к продуктивной жизни, что означает максимальное использование своих возможностей, сил и способностей. В то же время молодежь недооценивает такую ценность, как жизненная мудрость. Возможно, это связано с отсутствием зрелости суждений, достигаемых жизненным опытом, которого у данной возрастной группы еще мало.

Малоинтересной является ценность «красота природы». Возможно, загруженность современной жизни не оставляет времени на переживание прекрасного в природе и искусстве. Это отражается на ценности «творчество», которая является не значимой для данной группы.

Также в процессе анализа было отмечено, что для молодежи не значима такая ценность, как «счастье других». Ей некогда задумываться о благосостоянии и совершенствовании других людей, всего народа и человечества в целом. Мысли и действия направлены на самих себя и индивидуализацию.

Таким образом, наиболее предпочитаемыми терминальными ценностями молодежной группы являются: материальное обеспечение жизни, интересная работа и общественное признание; менее предпочитаемыми – красота природы, развлечение, счастье других.

Полученные результаты среди безработной молодежи говорят о том, что для них, прежде всего, важна интересная работа с высоким заработком, здоровье, любовь и счастливая семейная жизнь. Также имеют значение такие ценности, как жизненная мудрость и развитие. Последнее включает в себя работу над собой, постоянное физическое и духовное совершенствование. Не важны такие ценности как красота природы, творчество. Также молодёжь не высоко ранжирует такую ценность, как счастье других. Возможно, с опытом у большинства людей приобретается гармония, появляется свобода от внутренних противоречий и сомнений, но этого еще нет у молодых людей.

Анализ полученных результатов по методике «Ценностные ориентации» у двух групп молодежи существенно различается и позволяет выявить следующие тенденции.

У работающей – среди наиболее предпочитаемых ценностей были выделены: материально обеспеченная жизнь, свобода, развлечения, образованность, независимость. Основными средствами достижения жизненных целей являются честность, воспитанность, ответственность. Безусловным – ощущение уверенности в себе и наличие верных друзей, также важны любовь и счастливая семейная жизнь. Если проанализировать их с точки зрения активности-пассивности, ясно видно, что все вышеперечисленные можно отнести к ценностям, ориентированным на активность. Это свидетельствует о стремлении молодежи к энергичной, деятель-

ной жизни, что лежит в основе активной жизненной стратегии.

В структуре ценностных ориентаций безработной молодежи были выделены следующие наиболее предпочитаемые ценности: здоровье (физическое и психическое), интересная работа, материально обеспеченная жизнь, уверенность в себе, образованность, высокие запросы, ответственность. Важна активная деятельная жизнь, благодаря которой можно получить общественное признание. В отношении этой группы мы пришли к схожим выводам. Выделенные ценности можно отнести к ценностям, ориентированным на активность. Это свидетельствует о сохранности Эго-идентичности, т.е. система ценностных ориентаций на данный момент является сохранной.

Среди негативных последствий, к которым приводит безработица, называют ухудшение самочувствия, негативные эмоциональные состояния, такие как депрессия, апатия, рост самоубийств, алкоголизм.

Безработица оказывает мощное негативное воздействие, прежде всего, на психическое здоровье людей. Молодые люди, потерявшие работу, становятся более беспокойными, они подавлены, несчастны и не удовлетворены жизнью в целом. У безработной молодежи наблюдается заниженная самооценка, повышенная вспыльчивость, склонность к фатализму и пессимизм в отношении будущего. В ходе длительных наблюдений исследователи установили, что у безработных чаще чем у работающих встречаются симптомы психического дистресса, и психическое состояние заметно ухудшается именно после увольнения. С психологической точки зрения у граждан, уволившихся по собственному желанию или долго не работавших, проявляется чаще, чем у высвобожденных, более активная позиция, особенно в области требований и притязаний в отношении к бирже труда. У них выше самооценка в области социальной смелости, практичности. Они дипломатичнее, тревожность слабая или совсем отсутствует. Все это говорит о психологически лучшем состоянии, чем это встречается у высвобожденных граждан.

Наряду с безработными, испытывающими всю гамму негативных чувств: тревогу, отчаяние, чувство несправедливости, агрессию к окружающим и себе и т.п., есть люди, для которых эта ситуация не несет угрозы, а побуждает к активным действиям по изменению не удовлетворяющих обстоятельств, а также, так называемые, «счастливые» безработные, извлекающие из данной ситуации некоторую личную выгоду. Ситуация по сути дела определяется теми ценностями, которыми обладала профессиональная работа в жизни человека. Есть безработные, которым данная ситуация вынужденно открыла новые для них привлекательные возможности самореализации. Есть категория безработной молодежи, настойчиво самореализующих себя в иной – непрофессиональной – сфере и добивающихся при этом определенного самоутверждения, но в тайниках души все же страдающих от вынужденной смены работы (за их самоутверждением часто кроются различные формы защитного поведения).

Исследования большинства авторов свидетельствуют и о том, что кризисный характер ситуации во многом обусловлен еще и другими потерями, которые влечет за собой отсутствие работы: статуса, привычного круга общения, материального достатка и т.п. Очевиден вывод: чем больше компонентов жизненной ситуации подвергается угрозе деформации, вследствие потери работы, и чем более личностно значимы они для конкретного человека, тем более кризисной будет восприниматься ситуация потери работы.

При решении отдельных задач, поставленных в исследовании, использовался широкий спектр конкретных методов сбора фактического материала, количественная и качественная обработка результатов, тестирование. В соответствии с задачами исследования использовался ряд тестовых методик: Стандартизированный метод исследования личности, тест «Смысложизненные ориентации» Д.А. Леонтьева, методика «Ценностные ориентации» (М. Рокич).

Таким образом, проблема занятости молодежи является одной из острейших социальных и психологических проблем XXI века. Исследования показывают, что потеря работы, вследствие вынужденного увольнения, приводит к негативным изменениям в поведении и эмоциональных реакциях.

Библиографический список

1. Альбуханова-Славская К.А. Психология и сознание личности (Проблемы методологии, теории и исследования реальной личности); Избранные психологические труды. М.: Воронеж: НПО «МОДЭК», 1999.
2. Васильева О.С., Демченко Е.А. Изучение основных характеристик жизненной стратегии человека. М., 2000.
3. Пельцман Л. Стрессовые состояния у людей, потерявших работу //Психологический журнал, 1992. Т.13. № 1. С. 46.
4. Тартаковская И.Н. Гендерные аспекты стратегии безработных, СПб., 2000.
5. Франкл В. Человек в поисках смысла. М.: Прогресс, 1990.
6. Хорни К. Невротическая личность нашего времени. М.: Прогресс, 2000.
7. Чуйкова Т.С. Саморегуляция активности при преодолении человеком кризиса, связанного с потерей работы: дис… канд. психол. наук : 19.00.13: защищена 21. 03. 98 : утв. 05. 09. 98 / Т.С.Чуйкова. Психол. ин-т Рос. акад. образования. М., 1998. 170 с. 61 98-19/15-7.
8. Шледер Б. Структура ценностных ориентаций. Эмперическое исследование //Иностранная психология. Т.2. № 2 (4), 1994.

Минина Наталья Владимировна, студентка,
e-mail: pulyayevsk@mail.ru
Пуляевская Ольга Владимировна, кандидат психологических наук, доцент, зав.кафедры психологии ИРНИТУ, e-mail: pulyayevsk@mail.ru

Natalya V. Minina, a student,
e-mail: pulyayevsk@mail.ru
Olga V. Pulyaevskaya, Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor, Head of Psychology Department, e-mail: pulyayevsk@mail.ru

УДК 365

К ВОПРОСУ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО АСПЕКТА УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ ТЕРРИТОРИЙ В КОНТЕКСТЕ РЕШЕНИЯ ПРОБЛЕМ ГРАДОСТРОИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

© О.В. Пуляевская*

*Иркутский национальный исследовательский технический университет,
664074, Россия, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 83.

Представлен психологический подход к исследованию проблемы устойчивого развития территорий в контексте решения проблем градостроительной деятельности. Дана качественная характеристика психологически адаптивных и психологически депрессивных морфотипов городской среды с позиции проявления признаков градостроительных объектов, влияющих на психическое состояние человека как субъекта градостроительной деятельности и потребителя градостроительных услуг.
Ключевые слова: психологические устойчивые морфотипы городской среды, критерии оценки качества жизнедеятельности.

ON THE ISSUE OF IDENTIFICATION OF PSYCHOLOGICAL ASPECT OF AREA SUSTAINABILITY IN THE CONTEXT OF URBAN DEVELOPMENT PROBLEMS SOLUTION

O.V. Pulyaevskaya*

*Irkutsk National Research Technical University,
83 Lermontov Str., Irkutsk, Russia, 664074.

The article presents a psychological approach to the study of the area sustainability issue in the context of solutions of urban development problems. The author provides a qualitative description of psychologically adaptive and depressive morphotypes of urban environment from the perspective of manifestation of urban construction features affecting the mental state of a person as a subject of urban planning and consumer of urban planning services.
Keywords: psychologically stable morphotypes of urban environment, evaluation criteria of life activities quality.

В качестве основной проблемы развития градостроительной теории выступает разработка инновационных моделей устойчивого развития территорий, методологии устойчивого развития градостроительной деятельности. Проблема устойчивого развития территорий имеет глубокие корни и восходит к исследованиям, выполненным в рамках различных направлений урбанистики. При этом под устойчивым развитием (англ. *sustainable development*) мы понимаем гармоничное, равномерное и сбалансированное развитие, при котором происходят качественные и количественные изменения. Данные изменения затрагивают различные сферы жизнедеятельности и аккумулируют природные, технические, экономические и человеческие ресурсы.

Особое значение концепция устойчивого развития получила в области градостроительства и территориального планирования. Это, в первую очередь, было связано с интенсивным ростом городов и систем расселения. Соответствующая концепция получила название «устойчивое развитие территорий» и подразумевала обеспечение безопасности и благоприятных условий жизнедеятельности человека при осуществлении градостроительной деятельности, ограничение негативного воздействия хозяйственной и иной деятельности на окружающую среду и обеспечение охраны и рационального использования природных ресурсов в интересах настоящего и будущего поколений.

С позиции концепции устойчивого развития территорий экономическое, научно-техническое и экологическое развитие должно быть гармонично сбалансировано с развитием личности для удовлетворения человеческих потребностей и устремлений с учетом нынешних и будущих потенциальных возможностей. При рассмотрении проблемы устойчивого развития территорий в интеграции с экологической и экономической составляющей, одним из приоритетных в контексте наших исследований выступает ее социальная составляющая. Социальная составляющая устойчивого развития территорий акцентирует внимание на человека, как глав-

ную ценность устойчивого развития, как субъекта развития, при котором он, как представитель социума, должен участвовать в процессах, которые формируют сферу его жизнедеятельности, содействовать принятию и реализации решений, контролировать их исполнение.

На протяжении длительного времени формировались общие принципы устойчивого развития территорий. На сегодняшней день они определяют основные позиции градостроительной деятельности в отношении планирования этажности жилых объектов, развития транспортной, административной и социальной инфраструктуры, благоустройства территорий, привлечения альтернативных и экологически обоснованных энергоресурсов, создания эффективной системы водоснабжения и водоотведения, переработки отходов. Особое значение, на наш взгляд, имеют принципы устойчивого развития территорий, которые акцентируют внимание практиков градостроительной деятельности на учете и согласованности градостроительных идей с развитием культурных и духовных потребностей и возможностей творчески активного общества.

Обеспечение социальной составляющей принципов устойчивого развития территорий приводит к необходимости разработки новой методологии градостроительного проектирования, в рамках которой функциональная и территориальная связанность и упорядоченность градостроительных объектов оценивается с позиции психологического воздействия на природу человека, как механизма гуманного и гармоничного развития общества.

Психологизация градостроительной деятельности имеет определенное научное обоснование в отечественной и зарубежной науке. Наиболее ярким представителем интеграции теории градостроительства и психологии восприятия архитектуры выступает К. Линч [2]. Исследователь, пробуя определить факторы «хорошего города», исходит из анализа эстетических человеческих ценностей в истории развития городов. Таким образом, по его представлениям, качество «хорошего города» интегрирует ценности эффективности и справедливости, которые, в свою очередь, распадаются на показатели жизнепригодности и осмысленности к соответствию, доступностью и контролируемостью градостроительного развития. Отечественная школа архитектурно-психологических исследований жилой среды предлагает в процессе определения планировочной структуры исходить из специфики деятельности человека и его поведения, учитывать воздействие градостроительных средств выразительности на эмоционально-чувственную и когнитивную сферы личности, как представителя общественных отношений (А.В. Степанов, Г.И. Иванова, Н.Н. Нечаев).

Проведенный ранее исследовательский поиск в рамках проблемы психологизации градостроительной практики, как средства устойчивого развития территорий, позволил нам определить психологически устойчивые морфотипы городской среды, в качестве которых мы выделили: психологически адаптивные районы городской среды, психологически депрессивные и психологически нейтральные районы городской среды [3].

В рамках данной статьи мы попытаемся представить качественную характеристику каждого морфотипа городской среды в контексте концепции устойчивого развития территорий. Содержательный аспект психологически устойчивых морфотипов городской среды, по нашему мнению, определяется проявлением признаков, влияющих на психологическое состояние человека, как субъекта градостроительной деятельности и как потребителя градостроительных услуг, в частности:

1.Особенности восприятия градостроительного пространства и планировочной структуры на основе анализа плотности градостроительных объектов, протяженности, замкнутости/открытости;

2.Функциональная пригодность, рациональность и обоснованность градостроительных объектов в соответствии с потребностями и возможностями потребителя (социально-ролевая и этнокультурная направленность использования средств градостроительной деятельности);

3.Информационно-семантическая, реабилитационная и коррекционная функция градостроительных объектов (особенности восприятия цветового решения и объемных форм градостроительных объектов, их воздействие на психоэмоциональное состояние человека).

Проявление вышеуказанных признаков в системе градостроительного решения определяет качество жизнепригодности градостроительных объектов и, соответственно, позволяет определить психологически устойчивые морфотипы городской среды, в зависимости от сте-

пени их влияния на качество условий жизни современного человека. Рассмотрим каждый морфотип городской среды в различных его проявлениях.

Психологически адаптивные районы городской среды характеризуются сопряженностью плотности, протяженности, замкнутости/открытости градостроительных объектов с функциональной пригодностью, при этом цветовое и объемное решение архитектурных конструкций обеспечивают субъективное переживание комфортности и безопасности пребывания человека в городской среде. Реализация данного морфотипа позволяет обеспечить гибкое зонирование градостроительной структуры территории как для организации активной деятельности человека (труд, учеба, организация спортивной и общественной деятельности населения), так и для организации релаксационных пространств. Сочетание зон для активной и релаксационной деятельности в шаговой доступности позволяет человеку по необходимости регулировать свое психоэмоциональное состояние, что, в свою очередь, обеспечивает поддержание высокой эффективности работоспособности человека без ущерба для его здоровья. При организации релаксационных пространств возможно использовать естественное природное окружение (фауна и флора), предметы изобразительного искусства, музыку, литературу и прочее.

Психологически депрессивные районы городской среды характеризуются несоответствием показателей плотности, протяженности, замкнутости/открытости градостроительных объектов и функциональной пригодности, при этом цветовое и объемное решение архитектурных конструкций обеспечивают субъективное переживание дискомфорта, давления, незащищенности пребывания человека в городской среде. Дисбаланс городской среды наблюдается и при чрезмерной загруженности городского пространства техногенными объектами, отсутствием высвобожденных пространств для организации отдыха человека и его общения с природой, предметами искусства. Деструктивное воздействие на психику также оказывает монотонная и однотипная организация пространства, что, в свою очередь, приводит к развитию бедности сенсорного опыта, снижает активность когнитивной и творческой деятельности человека.

Психологически нейтральные районы городской среды характеризуются стремлением унифицировать градостроительное пространство и планировочную структуру к полифункциональной пригодности градостроительных объектов без учета социально-ролевой и этнокультурной направленности использования средств градостроительной деятельности. При выборе цветового и объемного решения архитектурных конструкций наблюдается стремление к минимализму и простоте, что в целом имеет тенденции нейтрального воздействия на психику человека.

Таким образом, при проектировании инновационных моделей устойчивого развития территорий, для удовлетворения человеческих потребностей необходимо в процессе комплексного анализа территорий осуществлять психологический анализ городской среды с учетом ее воздействия на психику современного человека. Представленные в статье критерии оценки психологической устойчивости морфотипов городской среды не претендуют на завершенность и могут получить дальнейшее развитие в смежных исследованиях градостроительной и психологической направленности.

Библиографический список

1. Глазычев В.Л. Социально-экологическая интерпретация городской среды. М., 1984.
2. Линч К. Образ города. М.: Стройиздат, 1982.
3. Пуляевская О.В., Пуляевская Е.В. Интеграция психологических знаний в процесс проектирования градостроительных объектов // Вестник ИрГТУ. 2013. №8(79). С. 98–101.
4. Соловьева Е.А. Основы средовой психологии. СПб.:СПбГАСУ. 2006.
5. Степанов А.В. Архитектура и психология. М., 1993.

Пуляевская Ольга Владимировна, кандидат психологических наук, доцент, зав. кафедрой психологии, e-mail: pulyayevsk@mail.ru

Pulyaevskaya Olga V., Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor, Head of Psychology Department in INRTU, e-mail: pulyayevsk@mail.ru

УДК 316.334

ПОКОЛЕНЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ОТНОШЕНИЯ К АРМИИ МУЖСКОГО НАСЕЛЕНИЯ г. ИРКУТСКА

© Д.Ю. Антонова*, Н.В. Сидорова*
*Иркутский национальный исследовательский технический университет,
664074, Россия, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 83.

Статья посвящена описанию опыта использования поколенческого анализа в социологических исследованиях. С помощью данного анализа предпринята попытка исследования образа института армии в представлении мужского населения г. Иркутска. В статье приведены результаты социологического исследования с применением качественной стратегии в опросе представителей разных поколений населения областного центра. Изучается видение проблем Вооруженных сил России и времен Советского Союза с точки зрения представителей трех поколений, а также целостный образ армии, сформированный в сознании разных поколений под влиянием различных исторических эпох и событий.
Ключевые слова: социальный институт, поколенческий анализ, армия.

A GENERATIONAL ANALYSIS OF ATTITUDES TO THE ARMY OF THE MALE POPULATION OF IRKUTSK

D.Yu. Antonova*, N.V. Sidorova*
*Irkutsk National Research Technical University
83 Lermontov Str., Irkutsk, Russia, 664074

The article describes the experience of use of generational analysis in sociological research. Using this analysis, an attempt has been made to explore the image of military institution viewed by Irkutsk male population. The article provides the results of sociological study conducted with the help of qualitative research strategies in the survey of representatives of different generations of the population in Irkutsk. We study the vision of the problems of the Armed forces in Russia and the Soviet Union from the point of view of three generations, as well as the complete image of the army built in the minds of different generations under the influence of various historical eras and events.
Keywords: social institution, generational analysis, the army

Современные общественные изменения требуют развития методологического арсенала социологии, позволяющего глубже изучать социальную динамику, в частности, результаты смены поколений. В социологии на сегодняшний день существует множество различных методов, которые позволяют решать конкретные задачи.

Поколенческий анализ выступает равнозначным методом с другими, привычными и наиболее общими социологическими подходами. Поколенческий анализ обладает существенным преимуществом, таким как наличие одной и единственной переменной, в качестве которой выступает длительность поколений. Это соответственно помогает вычленять закономерности с позиции качественного и количественного анализа. Следует отметить, что в последнее время поколенческий анализ в научном мире неоправданно забыт. Преимущества метода до сих пор не оценены в полной мере, а это значит, что потенциал поколенческого анализа, как метода исследования, остается малоизученным и слабо раскрытым.

Обращаясь к практическому применению метода следует отметить, что поколенческий анализ нами был рассмотрен в рамках изучения отношения к армии мужского населения г. Иркутска. На сегодняшний день проблемы Вооруженных сил – это проблемы не только военно-политического характера, но и отношения к армии со стороны населения.

Поколенческий анализ раскрывает образ армии в разные периоды истории России и является универсальным подходом для изучения любых проблем, связанных с поколенческой тематикой. Поколенческий анализ отношения к армии мужского населения г. Иркутска призван выявить особенности отношения представителей разных поколений в разные исторические периоды. Во все времена армия являлась одним из ведущих институтов общества, призванным обеспечить стабильность и гарантировать безопасность государства. Под воздействием различных социальных, политических и экономических условий армия подвергалась

реформированию. Поколенческий анализ армии призван раскрыть и интерпретировать отношение респондентов к изменениям в Вооруженных силах на протяжении нескольких лет.

МЕТОДЫ. Для выявления и интерпретации этих проблем в 2016 году было проведено социологическое исследование на тему: «Поколенческий анализ отношения к армии представителей разных поколений мужского населения г. Иркутска». В данном исследовании была выбрана качественная стратегия, в нем приняли участие 24 респондента, которые были выделены в трех возрастных категориях: «мужчины, воевавшие во Второй мировой войне и служившие в армии в первые годы после Великой Отечественной войны» (80 лет и старше), «мужчины, служившие в армии в 70-е начале 80-х гг. XX века» (50–55 лет), «мужчины, служившие в армии в постсоветский период» (20–25 лет).

В каждой категории было опрошено по 8 респондентов. При этом каждая возрастная категория соотносится с историческим событием. Акцентируем внимание на том, что поколенческий анализ в контексте социально-исторического развития призван раскрыть любые изменения, происходящие в обществе, с точки зрения влияния исторических событий на условия формирования ценностных установок личности.

В данном исследовании был использован метод интервьюирования, который позволяет выявить искренность респондента в ходе беседы, что является необходимым условием для качественной стратегии социологического исследования. Главной его целью исследования служит выявление особенностей отношения к армии в разные периоды истории России, по мнению представителей различных поколений мужского населения г. Иркутска.

РЕЗУЛЬТАТЫ. При интерпретации полученных данных целесообразно разделить результаты на три категории. Первая – анализ результатов опрошенных респондентов, служивших в армии в военные и послевоенные годы, которых можно назвать «ветераны и дети войны», вторая категория – опрошенные респонденты, служившие в армии в так называемый период «застоя» и третья – опрошенные в категории «постсоветское поколение». Поколенческий анализ предусматривает сравнительный анализ полученных данных в выделенных категориях.

Итак, в категории «ветераны и дети войны» были опрошены 8 человек, из них 2 ветерана Великой Отечественной войны. Все прошли срочную военную службу. Респонденты в данной категории служили в различных войсках: Военно-морской флот, пограничные войска, военная пехота, ракетные войска, противовоздушная оборона.

На вопрос о впечатлении, об армейских годах участники опроса данной группы ответили единогласно – положительно. Респонденты отметили, что служба в армии является делом почетным, а также воспитывает «настоящих мужчин». В ходе опроса респонденты выделили, что армия – это все-таки почетная обязанность.

Один из блоков интервью был посвящен проблемам Вооруженных сил в разные периоды истории России. Респондентам предлагалось выделить проблемы армии в период их службы, в период зрелого возраста – это время «застоя» и в настоящее время. Мнение в данной возрастной группе разделились. Итак, основные проблемы армии в период службы первой категории были выявлены следующие:

1. Санитарно-бытовые, сложный период адаптации для новобранцев.

2. Неудовлетворительное техническое состояние, плохое обеспечение армии специалистами в отдельных частях, неравномерное распределение денежного довольствия.

Один из респондентов комментирует проблемы армии в период его молодости следующим образом: «*Нехватка техники, устарелость техники, нехватка грамотных специалистов, неравномерное распределение заработных плат для личного состава, в разных войсках платили по-разному и, наверное, гигиенические требования. У нас бани были в тот период, ну уж совсем не похожи на человеческие бани*» (Илья Анатольевич, 86 лет). Другая часть респондентов не смогла выделить проблемы армии в период их службы, мотивируя это полной удовлетворенностью условиями.

Анализируя проблемы армии в период «застоя», большая часть респондентов в данной группе не смогла ответить на поставленный вопрос, объясняя это тем, что в интересуемый промежуток времени не имели отношения к армии, соответственно, с проблемами в Вооруженных силах не сталкивались. Однако несколько респондентов попытались обозначить ряд

проблем: дедовщина, массовое сокращение специалистов, устарелость техники и начало коррупции в Вооруженных силах.

На вопрос о проблемах армии в наше время опрошенные выделили следующие недостатки: неуставные отношения, национализм, недостаточный для боевой подготовки срок службы, санитарно-бытовые проблемы.

Говоря о проблемах Вооруженных сил в разные исторические периоды, следует отметить, что неуставные отношения и коррупция активно начинают проявляться с периода, так называемого, «застоя». Как показало исследование, с 1960-х годов до настоящего времени вышеуказанные проблемы существуют в армии.

По мнению респондентов, основными причинами нежелания проходить срочную военную службу является трусость, лень, боязнь трудностей, воспитание. Что касается временного периода, то респонденты отмечают, что в послевоенные и военные годы служба являлась высшим долгом мужчины, соответственно, в армии служили все, за исключением не годных по состоянию здоровья. Если говорить о современности, то основным нежеланием проходить срочную службу является бесполезная потеря времени.

Один из вопросов интервью был связан с выявлением политики государства относительно Вооруженных сил во времена их службы. Опрошенные считают, что основная функция армии, как социального института, заключается в защите государства от внешнего врага.

Далее респондентам предлагалось выделить промежуток времени (начиная с Великой Отечественной войны и заканчивая настоящим временем), в который в Вооруженных силах активно проявлялись неуставные отношения. Респонденты считают, что «дедовщина» в армии началась примерно в 60-70-е годы XX века. Следует подчеркнуть, что данная опрошенная категория отмечает отсутствие неуставных отношений в период их службы, а наоборот, акцентирует внимание на взаимопомощи сослуживцев. Один из респондентов отмечает: «*У нас вообще «дедовщины» не было, вы что, нам старшие ребята помогали и жалели нас, чтоб тяжести не таскали, лишний кусок хлеба нам отдадут»* (Родин Павлович, 92 года).Следующий вопрос был продолжением о неуставных отношениях. Респондентам предстояло обозначить причину появления дедовщины. Как показали результаты опроса, основной причиной появления дедовщины в рядах Вооруженных сил является призыв судимых граждан на срочную военную службу. Соответственно, данная категория лиц устанавливает в армии правила и порядки, которые были заимствованы у других сообществ, что и является неуставными отношениями.

Далее респондентам необходимо было выразить свое личное отношение к армии. По результатам опроса было выявлено, что в категории «ветераны и дети войны» все опрошенные относятся к армии положительно и считают воинскую службу гражданским долгом. Данный вопрос респонденты комментируют следующим образом: «*Мое отношение только хорошее, армия мне дала такой характер, который в жизни мне помог не раз»* (Валерий Иванович, 80 лет), *«Всю жизнь буду армию уважать и никогда не забуду годы службы»* (Николай Андреевич, 82 года).

Далее последовал ряд вопросов о сравнении Вооруженных сил в разные периоды истории России. Респондентам предлагалось выявить отличительные особенности армии в годы «оттепели» и «распада СССР», в годы войны и настоящее время, и отличие советской армии от современной.

По мнению опрошенных, основными отличительными чертами армии в годы «оттепели» и «распада СССР» являются – стабильность в годы «оттепели» и неопределенность в годы «распада СССР». Основной особенностью армии в изучаемые периоды являлась устойчивость Вооруженных сил как социального института.

Особенностями армии в годы Великой Отечественной войны респонденты видят в неудовлетворительном состоянии боевой техники, но при этом подчеркивают высокий уровень патриотизма. Наряду с перечисленными особенностями, респонденты выделили отличие и в финансировании и проблему коррупции. Однако главной особенностью армии, по мнению ответивших, является патриотизм. Большинство респондентов отмечают, что в военное время основным мотивом службы являлась любовь к Родине, а в настоящее время этот мотив все чаще теряет свою актуальность.

Одна из отличительных особенностей армии как социального института в советские годы – это высокая степень идеологизированности. Так, в советские годы активно пропагандировалась служба в рядах Вооруженных сил, соответственно, уровень призыва в ряды был выше, чем в современной. Один из респондентов отмечает: «*Советский человек думал, как он будет служить, а современный – как быстрее отслужить или вообще не служить*» (Леонид Лукич, 81 год). Несколько человек отметили, что отличительной особенностью является техническое состояние Вооруженных сил. В современном мире появились новые возможности как технического, так и бытового характера, которые облегчают воинскую службу. Обращаясь к оценке армии в Советском Союзе и современной России стоит отметить, что мнение респондентов значительно не разошлись. По итогам опроса армию и в СССР, и в современной России оценили в среднем на 4 балла из возможных 5.

На вопрос об эффективности введения льгот для отслуживших граждан респонденты ответили следующим образом: одни считают, что льготы влияют на повышение численности призывников и их нужно вводить, другие – против льгот, так как в армию нужно идти «по долгу и совести».

Далее последовал ряд вопросов, с помощью которых можно будет выстроить образ армии в разные периоды истории России. Так, респондентам предлагалось составить образ армии в годы Великой Отечественной войны, в годы «застоя» и в «постсоветские». Последовательно обратимся к анализу каждого из периодов.

Итак, в годы Великой Отечественной войны образ армии представляется как положительный, ассоциирующийся с самоотверженностью. Респонденты отмечали, что для них армия в годы войны – это сильнейшая армия с мужественными и отважными войнами. Один из респондентов комментирует это следующим образом: «*Когда началась война мне было 11 лет, еще совсем ребенок, но видя героизм отца, да и простых парней, я на всю жизнь осознал, что такое любовь к Родине. Для меня детство – это воспоминания о подвигах и героизме наших отцов, поэтому образ армии в ВОВ я вижу только в героизме и отваге» (Илья Анатольевич, 86 лет)*.

Образ армии второй группой опрошенных характеризуется относительным спокойствием и стабильностью. Особенность армии в данный период отмечается в сокращении военных должностей и личного состава Вооруженных сил, что приводит, в конечном итоге, к расформированию отдельных войск.

Образ армии в постсоветские годы отмечен глобальным кризисом. Но в последние годы респонденты отмечают рост технической оснащенности армии и повышение финансирования. За счет этого они подчёркивают рост ее престижа. При этом военная подготовка солдат значительно уступает подготовке в 50-60 годы XX века.

Респондентов также просили указать время, когда престиж армии был максимально высоким. Большинство из них отметили военное и послевоенное время. Это, конечно, можно объяснить успехами советской армии во Второй мировой войне и до сих пор сохранившимся образом армии-победительницы.

На вопрос о выделении характерных особенностей армии, с которыми она ассоциируется, были получены следующие ответы: гречневая каша, поступок и честь, мужская дружба, страх смерти и слезы победы, с написанием писем. Следует подчеркнуть, что в ходе беседы с респондентами при ответе на данный вопрос можно было слышать искренность и задушевность.

Отдельный блок вопросов был посвящен проблеме патриотизма. Респондентам предлагалось ответить на вопрос о значении патриотизма в их жизни. Так, ответы первой категории были идентичны – любовь к Родине. Также было выявлено, что старшее поколение в большей степени не считает, что современная молодежь утратила чувство патриотизма, но отмечают, что в современном мире он не так ярко выражен как в период службы опрошенной категории. Что касается определения уровня патриотизма в современном обществе, то он оценивается как невысокий. Респонденты отмечают, что патриотизм активно проявляется в определенные даты, а в повседневных буднях о нем вспоминают нечасто.

Далее респондентам был задан вопрос о влиянии эпохи на формирование отношения к армии. Большинство считают, что эпоха, безусловно, влияет и это связано с идеологией госу-

дарства. Один из респондентов отметил, что влияет война, так как она заставляет людей проявлять героизм, который впоследствии меняет отношение к армии.

Во вторую группу респондентов попали мужчины в возрасте от 50 до 55 лет, проживающие в г. Иркутске, прошедшие срочную военную службу в 70-е начале 80-х гг. XX века, в так называемый, период «застоя». Данная категория подразумевает качественные оценки армии мужчинами, чья молодость и служба пришлась на эпоху «застоя». Респонденты служили в различных войсках Российской армии: ВВС, Внутренние войска МВД, Ракетные войска, Военно-морской флот, ВДВ.

Мужчины вспоминают армию позитивно и считают службу необходимой для формирования мужских качеств. В данном вопросе мнение участников опроса полностью совпадает с мнением первой группы опрошенных. Респонденты отмечают, что служба в армии для них – это почетная обязанность.

Респонденты выделили следующие проблемы Вооруженных сил в период прохождения ими срочной службы: неуставные отношения, неудовлетворительная тактико-стратегическая подготовка, несоответствие правил ГОСТа в отношении питания солдат, отсталость техники, неудовлетворительные санитарно-бытовые условия. Опрошенные отметили, что вышеперечисленные проблемы встречались в отдельных частях.

Основными недостатками Вооруженных сил в настоящее время, по мнению респондентов, являются проблемы неравномерного распределения финансовых средств по военным частям, основная масса военнослужащих срочной службы – это выходцы из низших социальных слоев, коррупция, постоянное реформирование армии, низкий боевой дух. Вышеперечисленные проблемы были также отмечены и первой категорией опрошенных.

На вопрос об основных причинах нежелания проходить срочную службу в разное время респонденты отметили, что во все времена причинами являлись лень, боязнь трудностей, трусость и отсутствие патриотического воспитания. Однако один из респондентов отметил, что в современном обществе есть уважительная причина, по которой молодые люди не желают проходить срочную службу – это наличие выгодной вакансии по специальности, которой спустя год может и не быть. Респондент эту позицию комментирует следующим образом: «*На самом деле я прекрасно понимаю сегодняшних ребят, кто не хочет служить, если парню после учебы предлагают хорошую работу, ну, правда, зачем ему тратить этот год*» (Юрий Олегович, 53 года).

По мнению опрошенных, неуставные отношения в армии начали активно проявляться в 1990-2000-е годы, в связи с активным действием преступных группировок. В то время как первая группа опрошенных считает, что явление «дедовщины» возникает в армии в 1960-70-е годы. Это свидетельствует о разном восприятии времени и событий разными поколениями, казалось бы, живущих на территории одной страны…

Однако обе группы опрошенных выделили причину появления дедовщины – призыв на службу молодых людей с наличием судимости.

На вопрос об отношении к армии опрошенные в данной категории отметили положительные тенденции и считают, что служба в армии является гражданским долгом. Один из респондентов комментирует это следующим образом: «*Я отношусь к службе хорошо, для меня это долг*» (Юрий Юрьевич, 52 года).

Мнение респондентов о влиянии льгот для отслуживших граждан на повышение численности призывников разделились на две группы. Так, одни считают, что введение льгот влияет на повышение численности призывников, при определенной пропаганде, а другие, напротив, отмечают, что в современном мире главную роль играют финансовые средства, а льготами люди пользуются крайне редко, в основном, это низшие слои населения.

Образ армии в годы Великой Отечественной войны респонденты представили в следующих выражениях: патриотизм, братство, чувство долга, уважение и любовь к Родине, Родина-мать. Как видно из представленных ответов, армия считалась непобедимой, и ее образ был героическим. В то же время – это образ массового сокращения офицеров Вооруженных сил, это застой и начало кризиса. В общих представлениях респондентов образ армии в период «застоя» оценивается как отрицательный. А в годы «распада СССР» можно охарактеризовать как негативный.

Образ современной армии данная группа респондентов описала как неопределенный. С одной стороны, респонденты отмечают престиж армии в настоящее время и новейшие технические возможности, а с другой стороны, как коррумпированный социальный институт.

Особенностью Вооруженных сил в годы Великой Отечественной войны респонденты видят в патриотизме военнослужащих, а в современной отличительной особенностью выступает коррупция.

Отличительные черты Советской армии от современной респонденты видят в высоком уровне патриотизма советского народа и государственной идеологии СССР. Политика советского государства была пронизана пропагандой и лозунгами военной службы. При этом армию и в Советском Союзе и в настоящее время в среднем оценивают на 4 балла из 5 возможных.

Наиболее престижной армия, по мнению респондентов, была в послевоенные годы и в настоящее время. Опрошенные связывают это с победой в Великой Отечественной войне, а также с высокими техническими возможностями армии в современном обществе.

У большинства респондентов в данной категории Вооруженные силы ассоциируется с армейской дружбой. На данный вопрос были получены следующие комментарии: «*С друзьями, с которыми вместе служили, с армейскими байками*» (Валерий Сергеевич, 53 года), «*Наверное, с гречкой и своими армейскими историями*» (Юрий Юрьевич, 52 года).

Также были выделены следующие ассоциации: дисциплина, добыча пищи, армейские песни и вокзал.

Патриотизм для большинства опрошенных – это любовь и уважение к Родине. Один из респондентов прокомментировал свой ответ следующим образом: «*Лично для меня, это ситуация, когда у парня есть деньги, чтоб купить военник, и есть возможность не служить, а он в свою очередь достойно идет отдавать долг Родине» (Юрий Юрьевич, 52 года)*. На вопрос об утрате патриотизма молодежью респонденты разделились на две группы. Одни считают принципиально, что современная молодежь утратила любовь к Родине, а другие, соответственно, склоняются к тому, что есть в России молодые люди, которые являются истинными патриотами. Уровень патриотизма в современном обществе оценивается ниже среднего.

Респонденты второй группы считают, что эпоха влияет на формирование отношения к Вооруженным силам. Было отмечено, что влияние происходит за счет пропаганды службы в армии среди населения, в выражении патриотизма, в идеологии государства.

Обратимся к анализу результатов опроса в категории «постсоветское поколение». В данную категорию вошли мужчины в возрасте от 20 до 25 лет, которые прошли срочную военную службу в различных войсках России: ВДВ, Внутренние войска МВД, ВВС, Ракетные войска стратегического назначения, Морская пехота, Танковые войска, Мотострелковые войска.

Армейские годы для респондентов были отмечены положительными моментами. Так, большинство участников опроса считают, что армия меняет мужчин, а именно, делает их более мужественными. Однако для современных мужчин служба не является почетной обязанностью, а скорее способ самоутверждения.

По мнению молодых людей, проблемы армии в период их службы были следующие: слабая физическая подготовка, проблема низкого уровня дисциплины, коррупция, неудовлетворительные санитарно-бытовые условия, слабая военная подготовка военнослужащих-солдат. Многие респонденты отмечают, что в современных Вооруженных силах острая проблема разделения на высшие слои военнослужащих-солдат и низшие, что порождает ряд других проблем, а это является основой для процветания коррупции.

Основными причинами нежелания проходить срочную службу молодые люди назвали нежелание тратить бессмысленно время, трусость, неправильное воспитание. Целесообразно подчеркнуть, что вышеперечисленные причины были названы при опросах и других категорий респондентов.

Анализируя политику государства, относительно современных Вооруженных сил, респонденты пришли к выводу, что главной целью государства является обеспечение армии необходимыми средствами для качественной реализации его оборонительной функции.

Говоря о неуставных отношениях, респонденты пришли к выводу, что активно они начали проявляться в 90-е годы XX века. Однако опрошенные акцентируют внимание на присутствии

«дедовщины» в период их службы и считают это устоявшимся явлением, которое уже никак не изменишь. Причиной «дедовщины» молодые люди считают традицию в воспитании молодого поколения, которая передается от одного поколения к другому. В течение службы приходят новобранцы, которых нужно учить «армейским законам». Целесообразно отметить, что в предыдущих категориях были названы другие причины появления неуставных отношений. Важно отметить, что в ходе проведения интервьюирования один из респондентов отметил значение неуставных отношениях в рамках устава воинской части: «*Вообще, если говорить про неуставные отношения, то это не совсем точно «дедовщина». Неуставные отношения это все, что солдат делает не по уставу. Ну, чтоб было понятно, например, все в армии активно используют телефон, хотя по уставу не положено. Вот это и есть смысл неуставных отношений. А если говорить про «дедовщину», то причина ее, это просто желание показать, что ты выше всех новых*» (Сергей, 22 года).

Большинство молодых людей отмечают положительное отношение к Вооруженным силам и считают, что служба в армии – это гражданский долг и обязанность каждого мужчины. Часть участников опроса относятся к армии положительно, но при этом не считают службу гражданским долгом.

На вопрос о влиянии льгот для отслуживших граждан на повышение численности призывников респонденты ответили положительно, но при условии, что призывник является выходцем из семьи с достатком ниже среднего.

Образ армии в годы Великой Отечественной войны респонденты связывают с «великим подвигом солдат, с мужеством и храбростью». Образ армии в годы «застоя» большинство респондентов не могли составить, однако несколько опрошенных отметили, что армия в эпоху «застоя» находилась на первоначальном этапе кризиса. Образ армии в постсоветские годы респонденты обозначили в следующих выражениях: развал, бандитизм, нищета.

В анализируемой категории «постсоветское поколение» респонденты затруднились выделить отличительные черты армии в годы «оттепели» и «распада СССР». Данный факт можно объяснить незнанием молодых людей истории России и военного дела в частности. При этом респонденты выдели такие особенности армии в годы войны и в настоящее время как героизм солдат и высокий уровень патриотизма. Современная армия отличается, по их мнению, высоким техническим оснащением. Отличительные черты советской и современной армии большинство опрошенных респондентов выделить не смогли, несколько человек отметили патриотизм советского народа, чего не наблюдается у современных военнослужащих. Важно, что участники опроса оценили армию в советский период в среднем на 4 балла (по 5-ти балльной шкале), а современную армию на 3 балла (по 5-ти балльной шкале).

Проанализировав различные ассоциации с армией у молодых людей, стоит отметить, что они значительно отличаются от ассоциаций у других категорий. Так, у современных солдат армия ассоциируется с ненормативной лексикой, с четкостью мыслей, с армейскими песнями, с уставом и распорядком дня.

По мнению молодых людей, престиж армии был наиболее высоким в военное и послевоенное время, а также в современный период. Респонденты объясняют это тем, что в годы войны в армию уходили исключительно с целью защиты Родины, а сейчас престиж армии вырос по причине повышения денежного довольствия военнослужащим.

Говоря о патриотизме, молодые люди отметили, что это любовь к Отчизне, героизм и самоотверженность. Респонденты считают, что современная молодежь частично утратила чувство патриотизма, а его уровень в современном обществе оценили ниже среднего. Респонденты отмечают, что таким уровнем патриотизма нельзя гордиться.

На вопрос о влиянии эпохи на формирование отношения к армии большинство респондентов не смогли ответить. Однако несколько опрошенных отметили, что система ценностей человека и воспитание влияют на формирование отношения к армии в определенную эпоху.

Выводы.

1. Как показало проведенное исследование, представители трех разных поколений поразному оценили армию и Вооруженные силы России. Так, старшее поколение считает службу почетной обязанностью мужчины. «Постсоветское поколение» респондентов также вы-

разили позитивное отношение к армии, но при этом не считают службу почетной обязанностью.

2. Основными проблемами армии в годы войны являются проблемы технического состояния боевой техники и слабое обеспечение армии ведущими специалистами. В так называемый период «застоя» основными проблемами армии респонденты назвали проблемы неудовлетворительных санитарно-бытовых условий, начало коррупции, массовое сокращение специалистов и войск, неуставные отношения. Проблемы современной армии респонденты видят в низком боевом духе военнослужащих, в коррумпированности системы, недостаточной военной подготовке, а в отдельных частях России – в неуставных отношениях.

3. Респонденты первой и второй групп основными причинами нежелания проходить срочную военную службу назвали лень, трусость, боязнь трудностей и воспитание. Респонденты третьей группы отметили «нежелание тратить год своей жизни впустую».

4. Акцентируя внимание на образах армии в различные периоды истории России стоит отметить, что в трех опрошенных категориях ответы были получены идентичные. Так, образ армии в годы войны пронизан патриотизмом, героизмом и самоотверженностью военнослужащих. Образ армии в годы, так называемого, «застоя» определяется массовым сокращением армии и началом кризиса в рядах Вооруженных сил. В постсоветское время армия характеризовалась нестабильностью.

5. Подчеркивая специфику поколенческого анализа стоит отметить, что на формирование отношения к армии, ее образа в сознании людей влияет историческая эпоха, конкретные исторические условия, идеология государства в разные отрезки времени и знаковые исторические события.

6. Отношение к армии у мужчин г. Иркутска в возрасте от 20 до 92 лет, которые прошли срочную военную службу, в большинстве случаев положительное.

Библиографический список

1. Отцы и дети: Поколенческий анализ современной России / сост. Ю.А. Левада, Т. Шанин. М.: Новое литературное обозрение, 2005. 327 с.
2. Левада Ю.А. Заметки о «проблеме поколений» / Ю. А. Левада // Мониторинг общественного мнения, 2002. № 2. С. 9–11.
3. Пашинский В.М. Поколенческий подход в социологическом исследовании социально-исторического развития: дис. канд. социол. наук. 22.00.01 / В.М. Пашинский. М.: 2009. 257 с.
4. Троцук И.В. Поколенческий анализ: теоретические и методические компоненты / И.В. Троцук. М.: Мир знаний, 2008. С. 2–21.

Антонова Дарья Юрьевна, кафедра социологии и социальной работы ИРНИТУ, e-mail: dashaantonova7771994@mail.ru
Сидорова Наталья Васильевна, кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии и социальной работы ИРНИТУ, e-mail: s509771@yandex.ru

Darya Yu. Antonova, Sociology and Social Work Department, INRTU, e-mail: dashaantonova7771994@mail.ru

Natalya V. Sidorova, Candidate of Sociological Sciences, Sociology and Social Work Department, INRTU, e-mail: s509771@yandex.ru

УДК 364.01

КОГНИТИВНЫЙ ПОДХОД В СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЕ

© С.В. Балтуева*
*Иркутский национальный исследовательский технический университет,
664074, Россия, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 83.

Рассмотрен когнитивный подход в социальной работе, который возможно использовать при решении проблем клиентов. Подчеркивается ценность когнитивного подхода тем обстоятельством, что он предоставляет упрощенный, технологический подход к знаниям. Рассмотрены и обоснованы возможности процедурного и декларативного знания когнитивного подхода в анализе социальных ситуаций в профессиональной деятельности специалистов социальной работы. Приводятся примеры применения декларативного и процедурного знаний в предполагаемой практической деятельности специалиста, владение которыми поможет строить эффективное взаимодействие с клиентом/объектом социальной работы.
Ключевые слова: когнитивный подход, решение проблем клиентов/объектов социальной работы, процедурные и декларативные знания в социальной работе.

THE COGNITIVE APPROACH IN SOCIAL WORK

S.V. Baltueva*
*Irkutsk National Research Technical University,
83 Lermontov Str., Irkutsk, Russia, 664074.

The article considers the cognitive approach in social work that might be used to solve clients' problems. The importance of the cognitive approach is emphasized by the fact that it provides a simplified, technological approach to knowledge. The possibilities of procedural and declarative knowledge of the cognitive approach are examined and reasoned in the analysis of social situations in professional activity of social work experts. The author provides some examples of the use of procedural and declarative knowledge in the expert's alleged practice. The possession of these two types of knowledge will help to build effective interaction with a client/object of social work.
Keywords: the cognitive approach, the solution of problems of clients/objects of social work, procedural and declarative knowledge in social work

Как известно, когнитивный подход в любой предметной области акцентирует внимание на «знаниях», вернее, на процессах их представления, хранения, обработки, интерпретации и производстве новых знаний [5; 50]. Когнитивный подход имеет десятки ракурсов. Но в данной работе этот подход применяем для того, чтобы найти ответ на вопрос: каким образом происходит эффективное взаимодействие в обществе, как может человек прийти к согласию не только в ситуациях общения с другими, но и с самим собой? Каким образом возможно разрешить кризисные ситуации, возникающие у клиентов социальной работы, да и не только у них? Вопросы повышения эффективности прикладных методов исследования социальных систем, к коим мы относим и социальную работу, привлекали внимание многих исследователей [6,7,9]. По мнению этих авторов, эффективность предлагаемых методов напрямую зависит от того, удастся ли достичь взаимопонимания между участниками проблемных ситуаций, согласовать различные точки зрения, стимулировать творческий подход к возникающим проблемам.

Когнитивный подход может рассматриваться как трамплин, позволяющий преодолеть невидимые барьеры, которые нередко возникают между людьми. Итак, чтобы обосновать применение когнитивного подхода для решения различных проблем личности, группы, обстоятельств, значимых для социальных систем, а также для понимания широкого спектра организационных, производственных, и других комплексных проблем, имеющих неотъемлемую социальную составляющую, мы можем использовать социологический анализ. Для того чтобы выяснить возможности использования данного подхода при решении проблем социального

взаимодействия в социальной работе, мы должны сделать краткий экскурс в историю развития когнитивного подхода.

Когнитивные проблемы – восприятие, познание и понимание действительности волновали философов и психологов во все времена. Но начавшееся во второй половине XX в. бурное развитие кибернетики и вычислительной техники, появление в 50-ые годы «думающих машин», пытающихся решать логические задачи, играть в шахматы, понимать устную и письменную речь, вынудили по-новому взглянуть на процессы мышления, познания и понимания. В середине 50-х годов XX в. в центре внимания оказался феномен знания и связанные с ним проблемы получения, хранения, обработки знаний как в голове человека, так и в компьютерной системе.

Историки науки полагают, что в 50-60-ые гг. прошлого века произошла когнитивная революция – смена научной парадигмы по Т. Куну. Н. Хомский, известный специалист по теории искусственного интеллекта и когнитивной лингвистике, писал: «Когнитивная революция относится к состояниям разума / мозга и тому, как они обуславливают поведение человека, особенно – когнитивным состояниям: состояниям знания, понимания, интерпретаций, верований и т.п. Подход к человеческому мышлению и поступкам в этих терминах делает психологию и такой ее раздел, как лингвистика, частью естественных наук, занимающихся природой человека и ее проявлениями и в первую очередь – мозгом» [3: с. 71].

Для социальных наук когнитивный подход ценен тем, что предоставляет упрощенный, инженерный, технологический подход к знаниям. Извлечением знаний из экспертов занимаются аналитики, когнитологи.

Что же такое «знание»? С точки зрения специалистов по инженерии знаний – «знания – это основные закономерности предметной области, позволяющие человеку решать конкретные производственные, научные и другие задачи, т.е. факты, понятия, взаимосвязи, оценки, правила эвристики; а также стратегии при принятии решений в этой области (иначе – стратегические знания)» [3, с. 9]. Для специалистов социальной работы, решающих проблемы своих клиентов, знания о их проблемах, о близком окружении, о планах на будущее, о стратегии выхода из кризисной ситуации также являются теми самыми производственными задачами. Только здесь знания/информацию можно извлечь действительно от экспертов – соседей, друзей, родственников методами беседы, интервью, опроса о своем клиенте, о человеке, который нуждается в помощи. Эти знания социальный работник получает, применяя методы коммуникативного взаимодействия со всеми экспертами, которые могут дать информацию о клиенте. Только представив общую картину проблемы, будучи вооружен знаниями о личности клиента, социальный работник начинает работу с ним, применяя свои коммуникативные знания, умения и навыки.

Когнитология традиционно делит знания на декларативные (знания – что) и процедурные (знания – как). Декларативное знание относится к знанию теоретического типа и предполагает умение объяснить, почему что-либо происходит. Процедурное знание является практическим знанием и означает какие-либо умения и навыки. Декларативные знания, которыми обладают социальные работники, позволяют им видеть гуманитарные, социально-экономические и социально-политические проблемы современного общества, также понимать социогуманитарные стратегии мирового сообщества, знать и понимать экономические и социальные задачи государства в целом и региона в частности. Также специалисты видят и знают проблемы человека в обществе, проблемы психологии его развития и становления личности, возможности развития и т.д. Взаимодействие человека и группы, человека и общества, воздействие общества на человека, причины, факторы позитивного или негативного развития личности, взаимодействие человека с ближайшим окружением, результаты этого взаимодействия – все это является предметом профессионального изучения специалиста и относится к декларативным знаниям. Процедурные знания, которыми вооружен специалист социальной работы, могут быть: 1) инструктивными, 2) ситуационными. С точки зрения когнитологии, процедурные инструктивные знания предполагают знания какой-либо деятельности в различных сферах, а ситуационные процедурные знания означают умения действовать в конкретных ситуациях.

В профессиональной деятельности специалиста социальной работы мы выделяем эти типы знания, хотя в учебных пособиях или статьях, посвященных профессионализации соци-

альной работы, не обнаружим данные термины. Но для более точного анализа составляющей деятельности специалиста и его социального взаимодействия с клиентом, группой, сообществом возможно применение когнитивного подхода, несмотря на его некоторую схематичность и упрощенность. (В некоторых ситуациях социального взаимодействия с клиентами упрощенность необходима). Например, в ситуации с безработным клиентом схема взаимодействия с ним для специалиста вырисовывается достаточно четко: а) объяснение социально-экономического положения страны, региона, если возможно, то предоставление ему информации об отрасли, где трудился клиент и состоянии дел в ней. То есть умение объяснить, предоставить картину положения дел – это и есть декларативные знания, ознакомление с правовыми документами, законами; б) от данных знаний специалист переходит к процедурным знаниям, т.е. каким образом можно выйти из этой ситуации, как найти работу. Поскольку процедурное знание предполагает владение практическими навыками, то, следовательно, социальному работнику необходимо строить свое взаимодействие с клиентом, давая ему советы, которые носят характер инструкций, пожеланий. Как мы знаем, в центрах занятости выработан определенный алгоритм взаимодействия с клиентом, но современные методы психологии социальной работы не допускают обезличивания, и профессиональное взаимодействие проходит на основе знания индивидуальности клиента, его предрасположенности к тем или иным профессиям. А такое знание получают на основе диагностирования, тестирования, беседы, интервью, экспертных оценок, т.е. это знания, полученные из различных видов взаимодействий как с самим клиентом, так и его ближайшим окружением.

Инструктивные процедурные знания в социальной работе ярко выражены в её технологиях, которые позволяют специалисту и его клиенту строить возможные пути решения проблемы. Практические рекомендации, например, в деятельности центра занятости при взаимодействии с безработным, могут приобретать чисто технологический характер. Вхождение в проблему, её классификация, структурирование, построение, проектирование или планирование поведения при поиске новой работы, завершение. Эти методы социальной работы в центрах занятости позволяют нам говорить о том, что инструктивные процедурные знания являются актуальными для специалиста. Знания «изнутри» культуры данной социальной системы, в которую пытается внедриться клиент, являются также чрезвычайно важными для успешной профессиональной деятельности. Взаимодействуя на уровне человека и социальной организации, вступая в различного рода коммуникации, социальный работник принимает на себя роль некоего медиума, проводника социальной политики государства. В этом взаимодействии главной особенностью является позиция «рядом» с точки зрения профессионального взаимодействия специалиста. Позиция «рядом» выражается в неиерархичности социального взаимодействия, когда нет определенного лидерства и подчиненности. Встав на позицию «рядом», социальный работник тем самым решает достаточно острые психологические и социальные проблемы.

Опираясь на достижения когнитивного подхода, мы можем сказать, что социальный работник видит в своих взаимодействиях себя, свое окружение, свои профессиональные задачи с точки зрения определенной системы знаний, которые представлены в трех основных типах: системы правил, семантические сети и структуры отношений [4, с. 55].

Поскольку профессиональные взаимодействия специалиста по социальной работе ориентированы на решение стандартных трудных жизненных ситуаций объектов/клиентов, которые могут быть представлены типичными проблемами, связанными с безработицей, с одиночеством, с болезнью и инвалидностью, с неумением и нежеланием выполнять родительские роли, с психологическими проблемами отрочества, с социальным сиротством детей, с неблагополучностью семей и т.д., возможно их представить в виде моделей социальных ситуаций клиентов. Для эффективного социального взаимодействия, для научного анализа разрешения проблем клиентов, возможно представить их в виде моделей [2, с. 53]. Для понимания и объяснения феномена модели необходимо обратиться к понятию «дискурс», т.к. в нашей работе оно является принципиальным. Дискурс иногда используют как синоним «речи». В когнитивных направлениях в философии, социологии, семиотике дискурс особенно популярен. Популярность его в социальных науках обусловлена тем, что дискурс (по М. Фуко) – это социально обусловленная организация системы речи и действия. С точки зрения дискурсивного

анализа, речевые высказывания можно исследовать не только лингвистически, но и социально, прояснением норм и правил, артикулирующих задействованные в разных стратегиях дискурсивные элементы. По Т. ван Дейку, дискурс – это сложное коммуникативное явление, включающее, кроме текста, еще и знания о мире, мнения, установки адресата, необходимые для понимания текста или устного высказывания. Такое определение дискурса как сложной системы иерархии знаний, предполагает и наличие интегрированных моделей обработки дискурса. Из каких же элементов состоит когнитивная модель обработки дискурса? Т. ван Дейк выделяет два основных аспекта в когнитивном анализе обработки дискурса – структуры представления знаний и способы его концептуальной организации.[2; с. 70]. На наш взгляд, эти аспекты во многом коррелируют с типами знаний человека, о которых пишет Ю.М. Плотинский: – «системы правил, семантические сети и структуры отношений» [5; с. 55].

Для социальной работы эти две классификации когнитивной обработки социальной информации являются в методологическом плане очень важными. По Т. ван Дейку, термин «модель» употребляется для обозначения специфического вида структурной организации знания в памяти [2; с. 68]. Он говорит в этом смысле о ситуационных моделях, которые являются формой представления личного опыта и, следовательно, составляют часть эпизодической памяти. Эпизодическая память – часть долговременной памяти, в которой хранится детальная информация о каждом событии или действии – включая вербальные действия, например, такие как дискурс. «Дискурс употребляется для того, чтобы указывать на что-либо «в мире» или в некотором социокультурном контексте. Дискурс дает представление о предметах и людях, об их свойствах и отношениях, о событиях или действиях или об их сложном сплетении, то есть о некотором фрагменте мира, который мы именуем ситуацией» [2; с. 69]. Следовательно, модель представляет собой когнитивный коррелят такой ситуации; это то, что «происходит в уме» человека, когда он является наблюдателем или участником ситуации. А значит, модель включает личное знание, которым люди располагают относительно подобной ситуации, и это знание представляет собой результат предыдущего опыта, накопленного в столкновениях с ситуациями такого рода.

Поскольку структуры представления знаний в памяти и сознании человека соотносятся с ролью личного знания о реальных или воображаемых ситуациях, постольку он строит дальнейшие свои действия и поступки, исходя из известной ситуации. Например, модель «поиска работы» складывается из некоторых когнитивных ситуационных моделей и дискурсов. У клиента и у специалиста эта модель строится определенным образом. Строя взаимодействие с клиентом, специалист ставит перед собой задачу оказания помощи клиенту в его самоусилении. А клиент, в свою очередь, ожидает поддержки психологической и правовой. Эта стратегическая цель поиска работы разбивается на некоторые тактические задачи, которые и являются когнитивными ситуационными моделями. Это предположение относительно: а) улучшения понимания складывающейся проблемы, своего нынешнего положения, самого себя, быть может, и своего окружения; б) изменения эмоционального состояния, т.е. понимания необходимости выхода из состояния подавленности, фрустрации, напряжения; в) способности принять решение по поводу изменения внутреннего и внешнего состояния, выражающегося в другой профессии, переквалификации, переобучении и т.д.; г) поиска и изучения альтернатив; д) обучения умению выгодно себя представить, найти в себе различные достоинства, необходимые работодателю, написать (составить) резюме и т.д.; е) изучения информации о вакансиях; ж) признания ценности своего потенциала, своей профессии и т.д. Исполнение этих тактических ходов осуществляется в процессе взаимодействия специалиста и клиента. Главным во взаимодействии является формирование у клиента активной позиции даже при невозможности сейчас реально изменить ситуацию. Цель – найти работу – позволяет направить понимание и осознание клиента в сторону принятия ответственности за свои желания и цели собственного поведения.

Модель «социальное сиротство» или «ребенок, оставшийся без попечения родителей» включает в себя огромное количество когнитивных ситуационных моделей и дискурсов, с помощью которых осмысливаются, анализируются и ставятся стратегические цели и задачи специалистами социальной работы по преодолению этой проблемы.

Когнитивная ситуационная модель – «ребенок, бродяжничающий и просящий милосты-

ню», - представляет собой некую конструкцию, где интерпретируется положение семьи этого ребенка, т.е. откуда, из какой социальной группы этот ребенок, есть ли у него родители, вид занятий этих родителей, изучение ближайшего окружения ребенка, его братьев и сестер, друзей, изучение его личностных качеств, постановка социального диагноза и т.д. Интерпретация данной когнитивной модели может рассматриваться как абстрактная реконструкция мира, в котором сейчас находится этот ребенок. Помимо интерпретативной функции, данная модель обладает и моделирующей структурой, задающей (по Т. ван Дейку) множество индивидуальных объектов. Некоторый объект, например, «постоянно пьяный», может быть проинтерпретирован как подмножество этих объектов, т.е. как большое количество постоянно злоупотребляющих алкоголем людей – родителей социальных сирот, не выполняющих свои родительские обязанности. Располагая этой элементарной картиной мира, специалист социальной работы планирует предстоящие действия, в чем существенную роль играют когнитивные модели. «Модель репрезентирует положение дел, и соответственно, ее структура не произвольна, а играет роль непосредственного воспроизведения или аналогии. Её структура отражает существенные аспекты соответствующей ситуации реального мира» [8; с. 76], Джонсон-Лэйрд подчеркивает, что модель не только базируется на информации, содержащейся в пропозициональной репрезентации, но включает и общее знание [8; с. 98]. Общее знание о ситуации с детьми – социальными сиротами – является для специалистов социальным коммуникативным контекстом, в котором они должны хорошо разбираться с профессиональной точки зрения.

Взаимодействие специалистов социальной работы с различными представителями управленческих структур (органы опеки и попечительства, подразделения социальной защиты, управлений социальной защиты, отделов по делам семьи и детства различных административных уровней и т.д.), работниками специальных реабилитационных учреждений, с активистами общественных и гражданских движений, занимающихся проблемами социальных сирот, строится на знании всего социального контекста, связанного с положением детей, оставшихся без попечения родителей в данном регионе (городе, районе, поселке). Без ясной картины складывающейся ситуации данного явления невозможно строить планы (проекты по борьбе с этим социальным феноменом). Действия специалиста социальной работы начинаются с первого уровня (т.е. интеракционального изучения личности ребенка) и продолжаются на уровне втором – изучения и анализа организационных сторон – т.е. анализ ресурсов, степень трудности ситуации, в которой оказался человек и пути решения этой группы вопросов; и разрешаются на третьем, структурном уровне, где интерпретируются феномены и факты социального сиротства, его социально-экономические, социально-психологические, региональные, этические факторы. Данная картина социального сиротства с социального, социологического анализа переходит на уровень анализа когнитивной модели, которая может быть проинтерпретирована и осмыслена специалистом социальной работы. Методологически и методически ценным с точки зрения совершенствования технологий социальной работы представляется данный когнитивный подход.

Поскольку когнитивная модель помимо интерпретативной функции обладает функцией моделирования (или проектирования) – в нашем случае, например, анализ состояния социального сиротства в городе (районе, области) позволит строить социальные проекты наиболее адекватно, взвешенно, экономно, а также с использованием имеющихся ресурсов как личностных, так и общественных, и государственных.

Таким образом, можем подвести некоторые итоги вышеизложенному. Используемый когнитивный подход при анализе и понимании социальных проблем как субъекта, так и объекта социальной работы позволит специалистам более полно описать и интерпретировать социальные ситуации клиентов/объектов социальной работы, а это даст возможность наиболее эффективно и адекватно решать их проблемы.

Библиографический список

1. Гаврилова Т.А., Черванская К.Р. Извлечение и структурирование знаний для экспертных систем. М.: Радио и связь, 1992.
2. Ван Дейк Т. А. Язык. Познание. Коммуникация. М.: Прогресс,1989.
3. Кубрякова Е. С. Краткий словарь когнитивных терминов. М.: 1996.

4. Минский М. Фреймы для представления знаний. М.: Энергия, 1976.
5. Плотинский Ю.М. Теоретические и эмпирические модели социальных процессов. М.: Изд-во Логос, 1998. 290 с.
6. Ackoff R.L. A Theory of Practice in the Social Systems Sciences. IIASA. Laxenberg, 6-7 nov., 1986.
7. Checland P.B. Models Validation in Soft Systems Practice | // Systems Research. 1995. Vol.12. № 1. P.47–54.
8. Johnson-Laird, P.N. Mental models in cognitive science. – "Cognitive Science", 1980, 4, 72-115.
9. Ulrich W. Critical Heuristics of Social Systems Design, Berne: Haupf, 1983.

Балтуева Светлана Владимировна, доцент кафедры социологии и социальной работы ИРНИТУ, кандидат педагогических наук,
e-mail: svbalt@mail.ru

Svetlana V. Baltueva, Candidate of Pedagogic Sciences, Associate Professor of Sociology and Social Work Department, INRTU, e-mail: svbalt@mail.ru

УДК 316.4

ОСОБЕННОСТИ ГЕНДЕРНЫХ СТЕРЕОТИПОВ В ОТНОШЕНИИ ЖЕНЩИН – ВОЕННОСЛУЖАЩИХ (НА ПРИМЕРЕ МОЛОДЫХ ЖЕНЩИН-ВОЕННОСЛУЖАЩИХ Г. ИРКУТСКА И Г. АНГАРСКА)

© Д.А. Бутакова*, Т.А. Дормидонтова*
*Иркутский национальный исследовательский технический университет,
664074, Россия, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 83.

В статье предпринята попытка описать гендерные особенности службы современной российской женщины в Вооруженных силах РФ с позиции стереотипизации. Социологическое исследование проводилось с помощью метода полуформализованного интервью в воинских частях г. Иркутска и г. Ангарска. Опрошены как женщины, так и мужчины-военнослужащие с целью рассмотреть проблему комплексно. Отмечено, что для женщин-военнослужащих есть пределы карьерного роста, связанные с гендерными стереотипами, но они принимают такую ситуации как данность, не ощущая себя дискриминированными.
Ключевые слова: гендерные стереотипы, женщины-военнослужащие, армия, гендерные особенности службы в армии.

FEATURES OF GENDER STEREOTYPES OF FEMALE SERVICE MEMBERS: THE CASE OF YOUNG FEMALE SERVICE MEMBERS OF IRKUTSK AND ANGARSK CITIES)

D.A. Butakova*, T.A. Dormidontova*
*Irkutsk National Research Technical University (INRTU),
83 Lermontov Str., Irkutsk, Russia, 664047.

The article is concerned with the description of gender-specific services of modern Russian women in the armed forces of the Russian Federation from the viewpoint of stereotyping. The sociological survey was conducted using the method of semi-structured interviews in military units of Irkutsk and Angarsk. Both female and male service members were interviewed to examine the problem in an integrated manner. The authors point out that female service members face limitations of career development related to gender stereotypes. Fortunately, they take this situation for granted without feeling discriminated against.
Keywords: gender stereotypes, female service members, the armed forces, gender-specific services in the armed forces

ВВЕДЕНИЕ. Хотя изначально военная служба являлась в представлении людей делом мужским, а женщина в армии или на войне – это скорее исключение из правил, но переход к формированию Вооруженных сил Российской Федерации на добровольной основе открыл более широкий доступ женщин к военной службе. В результате введения добровольного способа комплектования армии проходит процесс, направленный на установление гендерного равенства, повышается набор женщин на военную службу, укрепляется женская позиция в военной деятельности, происходят изменения в восприятии женщин-военнослужащих как профессионалов, выражающиеся в формировании и изменении гендерных стереотипов.

Гендерные стереотипы военнослужащих можно определить как обобщенные представления военнослужащих обеих гендерных групп об уровне профессиональных возможностей военнослужащих женского пола в рамках военно-профессиональной деятельности. На формирование гендерных стереотипов военнослужащих влияет существующая в обществе гендерная идеология, которая, являясь согласованной системой взглядов о том, какими должны быть гендерные роли в данной культуре, все это определяет основу ролей мужчин и женщин в российском обществе в целом и военно-профессиональном пространстве в частности.

МЕТОДЫ. С целью выявления особенностей гендерных стереотипов молодых военнослужащих нами было проведено социологическое исследование. Выборочная совокупность была спроектирована в соответствии с законом минимизации повторов и нахождением оптимума времени и ресурсов. Число респондентов составило 60 человек, из них 30 женщин и 30 мужчин. Возраст варьировался от 23 до 34 лет.

РЕЗУЛЬТАТЫ. Относительно существующих гендерных стереотипов, связанных с военной деятельностью, респондентам был задан такой вопрос: *«Как Вы считаете, существуют ли в современном обществе гендерные стереотипы, связанные с военной службой женщин? Если да, то, какие?»*. Большинство респондентов мужского пола отметили, что стереотипы, связанные с военной деятельностью женщин в современном обществе существуют, так например: *«В военной деятельности не может быть женщин, потому что они слабые»* (Давид, 25 лет, г. Иркутск); *«Женщина не может занимать руководящие должности в армии или, например, женщины становятся мужеподобными из-за такой мужской профессии»* (Павел, 24 года, г. Иркутск); *«Функции мужчин и женщин разные, мужчины защищают родину, семью, а роль женщины – это быть женой и матерью»* (Андрей, 27 лет, г. Ангарск). Часть мужчин отметила, что все стереотипы, связанные с военной службой женщин, уже разрушены. Так, например: *«Стереотип, что женщина не может служить в армии, она не готова к такому физически. Мое мнение, что эти стереотипы остались в прошлом»* (Евгений, 26 лет, г. Ангарск). *«Слышал я тут одну глупость (смеется), если женщина служит в армии – это унижение для мужчин! Мужчины, наоборот, гордятся, что у нас такие женщины»* (Дмитрий, 25 лет). Но были и такие ответы у мужчин старших по возрасту: *«Правда жизни, женщина должна заниматься другими важными делами, а именно, рожать детей, воспитывать их, заниматься творчеством и не лезть в мужские профессии, тем более в военную деятельность»*. (Игорь, 34 года, г. Иркутск).

Так мужчины-военнослужащие выделили основные категории существующих гендерных стереотипов в военной службе женщин. Стереотипы, характеризующие содержание труда: женщина не может занимать руководящие должности в армии; стереотипы, относящиеся к распределению ролей: функции мужчин и женщин разные; и, наконец, стереотипы маскулинности - фемининности: в военной деятельности не может быть женщин, потому что они физически слабые и ранимые.

Что касается мнений женщин-военнослужащих по вопросу существующих стереотипов, связанных с военной деятельностью, большинство респондентов женского пола считают, что стереотипы существуют, но они также как и мужчины склонны не соглашаться с этими стереотипами. Женщины выражали свои мысли более открыто и моментами эмоционально. Так, например: *«От этих стереотипов никуда не денешься, так уж устроено российское общество, где женщина не должна служить в армии, так как у нее другое предназначение в жизни. Самое интересное мнение, что от женщин-военнослужащих нет никакой пользы. А как же те специальности, с которыми женщины действительно справляются лучше мужчин!? Конечно, они не связаны с опасностью, но все же!»* (Марина, 28 лет, г. Иркутск). Женщины в своих ответах часто приводят пример того, как существующие стереотипы отразились на их деятельности, так например: *«Стереотипы существуют, причем их много, ну вот примеры, с которыми я столкнулась лично, военная служба – это мужская организация, в которой женщине нет места. Женщины слабые, «неженки», капризные, вообще немощные!»* (Лилия, 23 года, г. Иркутск). Некоторые женщины считают, что часть таких стереотипов уже не имеет никакого влияния и не является значимой в военной деятельности женщин: *«Стереотип – женщине не место в военной деятельности. Мое мнение, что этот стереотип уже не имеет значения, так как армия нуждается в женщинах»* (Александра, 27 лет, г. Иркутск).

Больше всего женщины-военнослужащие оказывают сопротивление стереотипу, который заключается в том, что их деятельность в военной службе не предполагает никакой пользы для страны. Женщины заявляют, что они стали составлять конкуренцию мужчинам, но все же гендерные стереотипы, касающиеся женской деятельности, с трудом подвергаются изменениям. Женщины делают акцент на том, что стереотипы формируются на основе природных качеств женщин и мужчин, стереотипы маскулинности-фемининности. Женщины слабые, нежные, хрупкие, капризные, а мужчины сильные, умные, решительные, храбрые.

Затем мы изучали мнения о том – мешают ли существующие гендерные стереотипы женщинам активно участвовать в военной службе. Большинство военнослужащих мужского пола высказали мнение, что существующие гендерные стереотипы не мешают женщинам активно участвовать в военной службе: *«Я считаю, что не мешают, и вообще современные женщины-военнослужащие не пытаются доказать что- то, не борются за равноправие и не рушат стереотипов, они просто занимаются своим делом»* (Артем, 34 года, г. Ангарск); *«Нет,*

не мешают, вот, допустим. в Израильской армии есть женщины-спецназовцы, да и у нас тоже, думаю, что гендерные стереотипы не мешают, хотя есть ограничения, ну они точно не из-за гендерных стереотипов» (Евгений, 26 лет, г. Ангарск). Меньшая часть респондентов-мужчин высказали мнение, что гендерные стереотипы мешают женщинам, но это их не останавливает, либо они мешают, но не всем, а лишь тем, кто только собирается связать свою жизнь с военной службой. Мужчины говорят о том, что женщины не поддаются влиянию стереотипов, они активные и уверенные в себе, хорошо выполняют работу и даже в определенных случаях лучше мужчин.

Респонденты женского пола указали на то, что все-таки гендерные стереотипы в военной деятельности в современном обществе существуют, но большинство опрошенных женщин ответили, что гендерные стереотипы не мешают женщинам активно участвовать в военной службе. Можно заметить, что эту позицию в большинстве своем поддержали женщины-военнослужащие г. Ангарска. Так, они высказали свое мнение: *«Не мешают, женщины активно заключают контракты и хорошо выполняют свою работу»* (Валентина, 29 лет, г. Ангарск).

Но были и те кто считает, что все-таки гендерные стереотипы мешают активно участвовать в военной службе: *«Мешают, иногда хочется, чтобы к тебе относились серьезно, а когда ты только поступаешь на службу, в этом плане тяжело. К женщинам, которые служат давно, уже другое отношение, их воспринимают как военнослужащих, к ним относятся серьезно и при каждом удобном случае не пытаются пошутить, или указать на то, что ты слабая женщина»* (Лилия 23 года г. Иркутск).

Далее респондентам нужно было продолжить начатое предложение, которое звучало таким образом: *«Если женщина военнослужащая, то…»*. Ответы респондентов были очень разнообразными, но все они сводились к тому, что женщина военнослужащая – это хорошо. В ответах мужчины проявляли уважение и гордость к женщинам-военнослужащим. Встречались такие высказывания как *«Она вызывает уважение и гордость, потому что не каждая женщина способна физически и психологически наравне с мужчиной выполнять работу»* (Артем, 34 года, г. Ангарск); *«Она смелая, идти в нашу российскую армию – это смелый поступок»* (Евгений, 26 лет, г. Ангарск); *«Она достойна уважения, понимания и поддержки в таком нелегком деле»* (Дмитрий, 25 лет, г. Ангарск).

Мужчины в очередной раз обратили внимание на то, что присутствие женщин на военной службе – это необходимое явление, они считают женщин более ответственными и внимательными в выполнении своей работы. *«Это похвально, ведь женщины необходимы в военной деятельности, например, на таких должностях, как медицина, финансовые отделы, юридические, связь»* (Роман, 24 года, г. Иркутск). Но были мнения и разделяющие гендерный стереотип о профессиональном разделении между мужчинами и женщинами: *«Она медик, связист, финансист не более, в защите государства она никак не участвует»* (Игорь, 34 года, г. Иркутск).

Мужчины разграничивают «мужские» и «женские» армейские профессии. «Мужская» работа напрямую связана с опасностью и физической нагрузкой, соответственно, ее должны выполнять мужчины, так как *«женщины не справятся»*. Можно заметить, что для мужчин женщина-военнослужащая – это хорошо, но если она медик, связист, финансист или юрист, в общем, если она выполняет «женскую» работу в армии. Но если женщина будет проникать в другие области военной деятельности, конкретно в пределы мужской области и конкурировать с мужчиной, то отношение к ней, возможно, будет совершенно другим. Пока женщина-военнослужащая находится на «своем месте» – это мужчин устраивает.

Респонденты женского пола, высказывая свое мнение, говорили о том, что если женщина-военнослужащая, то ей приходится нелегко, часто надо доказывать свои возможности и совмещать нелегкий труд с выполнением гендерных ролей. Высказывания были такие: *«Ей нелегко учавствовать в защите страны, а еще она является женой и мамой»* (Дарья, 25 лет, г. Ангарск); *«Она должна быть и солдатом, и женщиной одновременно, доказывая всем, что женщины – не слабый пол»* (Любовь, 28 лет, г. Ангарск).

Рассматривая военную службу, мы в первую очередь говорим о деятельности, которая долгое время была исключительно мужской. В первую очередь потому, что она связана с опасными ситуациями, которые требуют физической и психологической подготовки. В своих

высказываниях по этому вопросу мужчины указали на то, что женщины-военнослужащие вообще не сталкиваются с такими ситуациями, так как должности, которые они занимают, никоим образом не связаны с опасностью. Высказывались они так: *«Женщины у нас заняты на тех должностях, где очень редко возникают какие-либо опасные ситуации»* (Андрей, 27 лет, г. Ангарск); *«Никак, сидят бумажки перебирают, вот как они справляются с опасными ситуациями»* (Игорь, 34 года, г. Иркутск).

Военнослужащие г. Иркутска говорили о том, что если возникнет такая ситуация и женщина будет находиться в опасной ситуации, то она может рассчитывать на мужчину, который обязательно ей поможет. *«Женщины с такими ситуациями редко сталкиваются, но если что – мы помогаем»* (Виктор, 23 года, г. Иркутск); *«А мужчины в части на что!»* (Давид, 25 лет, г. Иркутск).

Женская реакция на вопрос об опасностях была интересной. Долгое время женщины-военнослужащие вынуждены были доказывать свою значимость в военной деятельности, сейчас они показывают свою самостоятельность и борются за равноправие, но все же, как показало исследование, если женщина-военнослужащая окажется в опасной ситуации, то она рассчитывает на помощь мужчин. Так, например: *«Нам помогают наши мужчины»* (Валентина, 29 лет, г. Ангарск); *«Мужчины оберегают нас от каких-либо опасностей»* (Оксана, 28 лет, г. Иркутск).

Во многом женщины доказали, что добились самостоятельности в военной службе, так например, порядок приема на службу женщин, никаким образом не отличается от этой же процедуры для мужчин. Однако при назначении на воинские должности права женщин несколько ограничены. Военнослужащие-женщины могут назначаться не на любые должности, а лишь на те, которые включены в перечень должностей, которые могут замещаться военнослужащими женского пола. Однако для того чтобы подтвердить или опровергнуть такую позицию, мы предложили нашим респондентам ответить на такой вопрос: «*Если ли пределы карьерного роста для женщин- военнослужащих?*». Большинство респондентов мужского пола отметили, что пределы эти есть. Были такие мнения, что пределы карьерного роста в военной службе для женщин – это явления нормальные, так должно быть и этому не нужно сопротивляться: *«Есть, и это правильно, с некоторыми должностями они бы не справились»* (Игорь, 34 года, г. Иркутск); *«Ну да есть, женщины допускаются не на все должности и это нормально, потому что физически и даже психологически женщина не справится с определенными обязанностями»* (Андрей, 27 лет, г. Ангарск). Также респонденты-мужчины затронули вопрос дискриминации, которая проявляется в том, что мужчинам с низким уровнем образования отдается больше предпочтений в плане работы, чем женщине даже с высшим образованием. Было такое мнение: *«Вообще женщине труднее во всем и ограничений больше, например, заключить контракт женщине очень трудно, берут тех, у кого есть медицинское образование или техническое, либо по знакомству. Ну и, конечно, не на все должности берут женщин, это и затрудняет их карьерный рост»* (Павел, 24 года, г. Иркутск).

Мнение женщин во многом совпадает с мужским, они согласны с тем, что есть пределы карьерного роста, но в принципе их все устраивает, они это принимают спокойно. Женщины не уверены, что со многими должностями они справятся, а карьерный рост и получение звания напрямую зависят от занимаемой должности, поэтому трудностей у женщин-военнослужащих в этом плане очень много. Мнения по данному вопросу были такие: *«Для женщин есть некие ограничения по должностям, но без этого не обойтись, так как некоторые из них требуют повышенной нагрузки на организм, женщины физически не могут с такой работой справиться»* (Валентина, 29 лет, г. Ангарск); *«Есть, но это меня лично не расстраивает, меня устраивает то, чем я занимаюсь на службе»* (Марина, 24 года, г. Ангарск); *«Да есть, вообще женщине очень трудно попасть на службу, задержаться на ней и дослужиться до высокого звания» (*Альбина, 31 год, г. Иркутск).

Как мы уже выяснили, присутствие женщин в военной деятельности мужчинами воспринимается положительно и отношение к своим коллегам-женщинам хорошее. Почти у всех военнослужащих-мужчин были похожие мнения и высказывали они их только в положительных эмоциях: *«Хорошо отношусь, это же женщины и не важно, что они военнослужащие они, в первую очередь, женщины, и заслужили хорошего отношения к себе»* (Артем, 34 года, г. Ан-

гарск); *«У нас служат женщины, но мы с ними очень редко контактируем, но в принципе хорошо отношусь, не вижу ничего плохого в том, что они служат, наоборот, они как-то украшают российскую армию, радуют глаз»* (Евгений, 26 лет, г. Ангарск); *«Отношусь хорошо, всё-таки женщины положительно влияют на армейскую обстановку, на мужчин, последние более сдержаны, почти не ругаются матом»* (Павел, 24 года, г. Иркутск). Женщины так же выразили свое отношение к коллегам военнослужащим: *«Хорошо отношусь, слава Богу, мужчин пока еще больше чем женщин, так что пока все хорошо»* (Александра, 27 лет, г. Иркутск); *«Хорошо отношусь, у нас очень хорошие отношения в части, в бой с такими коллегами не страшно»* (Валентина, 29 лет, г. Ангарск).

Сегодня женщины не подлежат обязательному военному призыву, они могут служить в армии только по контракту, однако в 2012 году в правительстве обсуждался вопрос о призыве в армию девушек. Было интересно узнать мнение наших респондентов и выяснить их отношение к возможности прохождения срочной военной службы женщиной. Все мужчины относятся к этому отрицательно. Главная мысль, которая объединяла все высказывания респондентов, это то, что формировать российскую армию, привлекая слабый пол, – это недопустимо. Были такие мнения: *«Категорически против, как так у нас пацаны служить не хотят, а женщины должны служить?! Нет, это будет перебор»* (Евгений, 26 лет, г. Ангарск); *«Конечно, против. Парням бывает очень трудно служить, а женщине тем более, еще в нашей армии»* (Давид, 25 лет, г. Иркутск).

Женщины полностью поддержали мужчин в этом вопросе, свое отрицательное отношение они объясняли таким образом, что все-таки те женщины, которые пожелали быть в военной сфере, те в ней и оказались или еще окажутся.

В заключение можно сказать, что во многом женщины добились самостоятельности в военной службе, так, например, порядок приема на службу женщин, никаким образом не отличается от этой же процедуры для мужчин. Однако при назначении на воинские должности права женщин несколько ограничены. Респонденты отмечают, что для женщин-военнослужащих есть пределы карьерного роста, но в принципе последних это устраивает, они принимают такие ситуации как данность. Женщины сами не хотят переходить те рамки, которые для них определенны в военной службе. Они заявили о гендерном равноправии, но все-же согласились, что у них есть определенная территория, «женская» в армейской среде. Женщины-военнослужащие желают оставаться женственными даже находясь в армейских условиях, они нуждаются в поддержке и помощи мужчин, они признают, что главный их защитник – мужчина.

В этом наблюдается некая символическая игра, в которой женщина допущена до военной службы, но ей определены особые правила и условия, а мужчины заявляют, что у них есть своя территория, где существует определенная «мужская игра», и женщина туда никогда не попадет.

Библиографический список

1. Гербач Ж. В. Женщина в армии (формирование и динамика гендерной структуры российской армии) / Ж. В. Гербач. Ростов н/Д. : Изд-во РВИ РВ, 2010. 54 с.
2. Евсеева Ю. С. Женщины на фронтах Великой Отечественной войны / Ю. С. Евсеева, С. В. Паулкин // Аспирант и соискатель. 2015. № 3. С. 23–25.
3. Лежнина Ю. П. Трансформация гендерных ролей в современной России / Ю. П. Лежнина // Общество науки и современность. 2013. № 4. С. 165–176.
4. Суркова И. Ю. Гендерные стереотипы в повседневных армейских практиках / И. Ю. Суркова // Социологические исследования. № 12. 2008. С. 104–112.

Бутакова Дарья Андреевна, кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии и социальной работы, e-mail: feonel@yandex.ru

Дормидонтова Тамара Александровна, кафедра социологии и социальной работы, e-mail: feonel@yandex.ru

Darya A. Butakova, Candidate of Sociological Sciences, Sociology and Social Work Department, INRTU, e-mail: feonel@yandex.ru

Tamara A. Dormidontova, Sociology and Social Work Department, INRTU, e-mail: feonel@yandex.ru

УДК 316.4

СВАДЕБНЫЕ РИТУАЛЬНЫЕ ПРАКТИКИ СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ: РЕЗУЛЬТАТЫ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ ИРКУТСКИХ СВАДЕБ

©Д.А. Бутакова*, М.В. Федорова*
*Иркутский национальный исследовательский технический университет,
664074, Россия, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 83.

Современная свадьба, как культурное явление, активно преображается, изменяя свой ритуальный набор: часть свадебных ритуальных практик изменяет содержательное наполнение, часть новых практик проходит процесс ритуализации, часть внешне остается неизменной, но при этом теряет сакральную сущность. Исследование, представленное в статье, позволило авторам, используя метод визуального анализа, выделить свадебные ритуальные практики современной иркутской молодежи, с позиции трех контекстов: традиционного, религиозного и современного. В использовании социальных практик, проходящих процесс ритуализации, отмечена повышенная визуализации и демонстративность.
Ключевые слова: свадебные практики, ритуальные практики, визуализация.

WEDDING RITUALS OF MODERN YOUTH: RESULTS OF SOCIAL STUDY OF IRKUTSK WEDDINGS

D.A. Butakova*, M.V. Fedorova*
*Irkutsk National Research Technical University,
83 Lermontov Str., Irkutsk, Russia, 664074.

As a cultural phenomenon a modern wedding changes rapidly modifying its rituals. A part of wedding ritual practices changes their substantive content; some new rituals undergo ritualization; the other ones outwardly remain unchanged but losing its sacred nature. The research undertaken by the authors allowed with the help of visual analysis method to identify the wedding ritual practices of modern Irkutsk youth from the perspective of three contexts: the traditional, religious and modern ones. The use of social practices undergoing the process of ritualization is marked by a high visualization and show off.
Keywords: *wedding practices, rituals, ritualization*

ВВЕДЕНИЕ. Свадьба, как ритуал, в течение времени претерпела изменения и как социальная практика. Трансформация ее историко-социальных характеристик проявилась во всех составляющих: изменилось символическое, контекстуальное и визуальное содержание свадебного торжества как праздника, однако сохранились исходные параметры значимости празднования; свадьба, как культурное явление, преобразилась внешне и приобрела новое внутреннее содержание свадебных традиций и ритуалов; алгоритм свадьбы, как традиционного способа публичной регламентации бракосочетания, теперь состоит из новых ритуалов, либо из прежних, но с иным значением. Несмотря на утрату многих сакральных смыслов, бракосочетание – это универсальный ритуал, несущий в себе действие, окруженное множеством символов, обычаев, верований и поверий, наполненный различными суевериями и религиозными догмами.

В настоящее время в российском обществе отмечается ослабление реализации традиционных свадебных ритуальных практик при параллельном укоренении ритуалов, основанных на современных жизненных практиках. Самоопределение в этом смысле особенно актуально для молодежи, ведь именно она наиболее восприимчива к влиянию образцов «западных» культур, процессов глобализации, не до конца усвоив или даже отрицая ценности и практики предыдущих поколений. В молодежной среде возникает проблема преемственности социокультурных ценностей в условиях нарастающей унификации культурных миров и конструирования собственных практик, при этом молодежь основывается на выборе тех ценностей, которые соответствуют ее представлениям о жизненном успехе.

В рамках социологического исследования нами был проведен визуальный анализ свадебных фотографий с целью выявления традиционных, религиозных и новационных ритуалов в праздновании современного молодежного свадебного торжества.

МЕТОДЫ. Эмпирическую основу исследования составили фотоматериалы известных иркутских фотографов с молодежных свадеб. Фотографии отобраны из альбомов, размещенных на Интернет - сайте http://www.gorko.ru/, который находится в свободном доступе и включает в себя комплекс свадебных фотографий всех иркутских фотографов. Из генеральной совокупности – 258 фотоальбомов в качестве выборочной совокупности исследования выступили 30 свадебных альбомов, которые отражают повторяющиеся кадры разного контекста: религиозного, традиционного и современного. За основу для обработки данных была взята дополненная матрица визуальных данных П. Штомпки.

РЕЗУЛЬТАТЫ. Религиозный контекст представляет собой особую символическую коммуникацию между человеком и сверхъестественным миром. Изучение специфики этих взаимодействий предполагает анализ различных форм ритуальных действий, происходящих в священных местах. Религиозные свадебные ритуалы представляют собой сложное символическое пространство, в котором человек переживает и выражает свое отношение к сакральному.

Традиционный контекст раскрывает сущность и специфику русской «славянской» свадьбы, отражает все элементы, которые присущи такому ритуалу. На основе анализа традиционного свадебного контекста можно проследить алгоритм проведения свадебных ритуалов и выделить наиболее важные элементы, которые остаются неизменными на протяжении длительного времени.

Современный контекст предполагает разнообразие свадебных ритуалов, изменение традиционных и дополнение их абсолютно новыми действиями.

То есть свадебные ритуальные практики рассматривались нами с позиции трех контекстов: религиозного, как носителя догматических неизменных практик, традиционного, как возврата к историческим родовым практикам и старорусским ритуалам и современного, как носителя визуально-демонстративной составляющей.

Первыми мы рассматривали религиозные свадебные ритуалы (на примере православного венчания), которые сохранились практически в первоначальном виде без существенных изменений. В таинство венчания по-прежнему входит наличие традиционной фаты невесты, в руках молодоженов горящие свечи, свидетели держат венцы над головами супругов. При этом можно отметить, что, например, символика фаты на сегодняшний день претерпевает значительные изменения. Если раньше это был символ невинности и целомудрия невесты, то сейчас для молодежи это лишь необходимый атрибут свадебного ритуала, который не несет в себе сакрального значения.

Далее мы рассматривали традиционные свадебные практики (славянский свадебный обряд). Для такой традиционной свадьбы массовость, прежде всего, главный элемент, так как свадьба носила масштабный характер и приобретала сущность массового гуляния.

Девичник был одним из значимых ритуальных действий, без которого не обходилась ни одна традиционная свадьба. Во время его проведения невеста плакала, жаловалась на будущую тяжкую долю замужней женщины, а подруги должны были ее утешать. Еще одним важным элементом при подготовке к традиционной свадьбе являлось получение родительского благословления, которое также было запечатлено на фотографиях.

Традиционным ритуалом свадьбы в славянском стиле является языческое венчание с помощью цветочных или березовых венков, которое носит сакральный характер. Что касается цветовой гаммы, примечательно, что жених и невеста облачены в белые одежды с красной вышивкой, а не в традиционное для славян красное платье невесты, отдавая предпочтение стилизации, отметая сакральный смысл свадебной одежды.

Хоровод выступает как обязательный ритуал в проведении традиционной свадьбы. В танце принимают участие подружки невесты, которые окружают молодую пару. Круг символизировал вечность и долгую счастливую жизнь, поэтому становился символом русской традиционной свадьбы.

На основе анализа свадебных фотографий с традиционным контекстом можно сказать, что традиционная свадьба представляет собой развернутое ритуальное действо, в котором важнейшую роль играют традиции и почитание прошлого. Все ритуальные свадебные практики носят сакральный характер, характеризуя переход девушки в состояние замужней

женщины. Исторически свадьба была одним из значимых обрядов, наряду с рождением и похоронами, но для современной молодежи выбор традиционной свадьбы обусловлен красочностью обрядов и стремлением выделиться среди других, без сохранения сакральной сути.

Современная свадьба, теряя сакральную суть ритуалов, оставляет от них только игровые и визуальные компоненты. Так, современный девичник носит характер отдыха и развлечения, где собираются подружки невесты, которые гуляют, развлекаются и танцуют часто не дома, а в увеселительных заведениях.

Подвенечное платье современной невесты остается в большинстве случаев белым, а жених одет в классический костюм, но могут присутствовать элементы, которые сочетаются с нарядом невесты. Это либо цвет галстука, либо платочек в кармане пиджака. Для современной свадьбы характерно, чтобы гости отражали цветовую гамму молодоженов: подружки невесты надевают одинаковые наряды, а мужская часть гостей, также как и жених, вносит в свой костюм дополнения под цвет их платьев.

На фотографиях современного контекста свадебные действия молодых иркутян происходят в лесу, в ресторане, на набережной города, на пике «Любви», на берегу Байкала и других живописных и традиционных местах. Разнообразие красивых мест для проведения свадебных ритуалов говорит о том, что современные брачующиеся не ограничиваются только ЗАГСом и рестораном, а хотят провести праздничный день незабываемо, посетив множество достопримечательных мест города.

Одним из новшеств современной свадьбы, заимствованным «на западе», выступает выездная регистрация брака. Чаще всего она проходит на природе, на берегу водоема, либо регистратора приглашают сразу в ресторан. Характерной чертой проведения выездной регистрации брака выступает неординарность ее проведения. Место регистрации украшается согласно сценарию проведения всего торжества, главным атрибутом является арка, либо из шаров, либо из цветов, под которой и проходит ритуал создания новой семьи. После официальной части молодые принимают поздравления от родственников и гостей, пьют шампанское, «как в голливудских фильмах».

Также новационной свадебной ритуальной практикой становится проведение свадьбы-игры или тематической свадьбы. Например, свадьба в гусарском стиле или в стиле ретро. Среди молодых пар очень популярны рыцарские свадьбы или свадьбы в стиле «Чикаго». Многие молодые пары соглашаются на данное мероприятие, так как хотят, чтобы свадьба стала событием грандиозным и запоминающимся. Принципиально новой свадебной ритуальной практикой становится проведение фото-сессии, которая может занимать от нескольких часов до целого дня. Театрализованная постановка становится популярной для современной свадьбы, так как фотографии, обработанные профессионалом, можно выложить в Интернет, что и привлекает молодых, все чаще «не вылезающих» из инстаграмма. Для них важна показательность и демонстративность самого торжества, нежели уделение внимания традиционным ритуалам, которые направлены на благосостояние брака.

Для тематической фото-сессии используются разнообразные сценарии, костюмы и места проведения. Некоторые игровые постановки включают в себя прохождение определенных ритуалов, таких как посещение памятных мест, свадебный каравай, свадебная чаша, бросание букета. Но все чаще фото-сессия – это отдельное мероприятие, в котором принимает участие только молодая пара. Места проведения выбирают сами молодожены, обговаривая все элементы заранее с фотографом.

Проанализировав особенности проведения современной свадьбы необходимо отметить, что многие исторические вещи сохраняются и выполняются молодыми по всем традициям. К таким ритуалам можно отнести свадебный каравай и бросание букета, которые практически остаются неизменными. Отличительными чертами современной свадьбы является ее нестандартность и нетрадиционность проведения. Часто планированием свадебного торжества занимаются посторонние люди, а молодожены только выполняют порученные им задания. Это говорит о том, что для современных пар важен сам праздник, его красивое оформление и проведение по правилам, которые «диктуют» свадебные агентства. То есть для молодой пары важен визуальный аспект, который останется в памяти, нежели традиционные моменты. Создание семьи для большинства не является осознанным шагом, а свадьба играется для род-

ственников и гостей с целью показать свою успешность. Чем пышнее проводится свадебная церемония, тем увереннее чувствуют себя молодожены в плане независимости и материального положения. Многие сакральные вещи переходят в игровые действия, которые используются на свадьбе для развлечения.

То есть стоит обратить внимание на такой аспект, как демонстративность молодежных свадебных ритуальных практик. Если раньше свадьбы были похожи, включая в себя набор обязательных ритуальных действий, хотя и могли отличаться «размахом», то сейчас молодожены стремятся к индивидуальности и неповторимости в проведении церемоний. Визуальная составляющая становится настолько значимой, что ей уделяется больше внимания, чем исторически алгоритмированному проведению самих ритуальных действий.

Проанализировав основные свадебные ритуальные практики современного общества можно констатировать, что свадебный комплекс представляет собой набор ритуальных социальных практик, в котором важнейшая роль все же отводится традиционной составляющей, но только с позиции символического взаимодействия, нежели с сакральной. Визуальная составляющая свадебного комплекса приобретает центральное положение и проходит процесс ритуализации.

Библиографический список

1. Карташов А. А. Изучение социально-культурных условий возрождения традиций народной художественной культуры средствами режиссерско-постановочных технологий (на примере свадебного обряда) // Социально-экономические явления и процессы. 2013. №12. С. 211 –214.
2. Карташов А. А. Историко-этнографический аспект изучения традиционной свадебной культуры // Социально-экономические явления и процессы. 2013. № 2. С. 150 –153.
3. Клопыжникова А. А. Ритуал как кодификация обряда // Аналитика культурологии. 2009. № 14. С. 84 –91.
4. Коломиец О. П. Традиционная свадебная обрядность: опыт характеристики и исторической реконструкции // Актуальные вопросы истории и политологии. 2011. № 17. С. 87– 98.
5. Круткин Л. В. Фотография в социологическом исследовании: деревенская свадьба на форуме в Интернете // Вестник УдмГУ. 2010. № 3. С. 88 – 96.
6. Кузьмина О. В. Социокультурная динамика свадебного обряда в процессе формирования городской субкультуры // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. 2007. № 2. С. 112– 115.
7. Ситников В. И. Возможность актуализации народных свадебных традиций в условиях современной культуры // Вестник славянских культур. 2010. №15. С. 34– 42.
8. Щербинина О. В. Традиционная русская свадьба в контексте авторских полевых исследований (на примере свадебной обрядности Новооскольского района Белгородской области) // Международный журнал экспериментального образования. 2014. № 6. С. 63– 65.

Бутакова Дарья Андреевна, кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии и социальной работы, e-mail: feonel@yandex.ru
Федорова Мария Викторовна, кафедра социологии и социальной работы, e-mail: feonel@yandex.ru

Darya A. Butakova, Candidate of Sociological Sciences, Sociology and Social Work Department, e-mail: feonel@yandex.ru

Mariya V. Fedorova, Sociology and Social Work Department, e-mail: feonel@yandex.ru

УДК 316.477

АНАЛИЗ ЖИЗНЕННЫХ СТРАТЕГИЙ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ (ПО РЕЗУЛЬТАТАМ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ОПРОСА СТУДЕНТОВ ИРНИТУ)

© М. В. Гузик*, Д. А. Федосеева*
*Иркутский национальный исследовательский технический университет,
664074, Россия, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 83.

Проведено социологическое исследование в ИРНИТУ, направленное на изучение жизненных стратегий студентов. Приведены результаты опроса о главных целях жизни и планах студентов, предпочтениях относительно будущей работы, создании семьи и количества детей, о долгосрочности жизненных стратегий. Сделан вывод, что самой распространенной является стратегия жизненного благополучия, заключающаяся в обеспечении себя всеми необходимыми благами, стремлении к материальному и духовному комфорту.
Ключевые слова: жизненная стратегия, жизненный проект, жизненный путь, долгосрочность жизненных стратегий, стратегия жизненного успеха, стратегия жизненного благополучия, стратегия самореализации.

ANALYSIS OF STUDENTS' LIFE STRATEGIES (BASED ON THE SOCIOLOGICAL SURVEY OF INRTU STUDENTS)

M. V. Guzik*, D. A. Fedoseeva*
*Irkutsk National Research Technical University (INRTU),
83 Lermontov Str., Irkutsk, Russia, 664047.

A sociological survey was conducted in INRTU aimed at the study of the students' life strategies. The article provides the results of the survey about the students ' major life goals and plans, preferences regarding future employment, creation of family and the number of children, long-term life strategies. The conclusion is drawn that the most common strategy is wellbeing one that includes the pursuit of welfare, desire for material and non-material comfort.
Keywords: life strategy, life project, life experience, long term life strategies, life success strategy, wellbeing strategy, the strategy of self-realization

Жизненные стратегии представляют собой динамичную систему, включающую в себя жизненные цели, осмысление выбора, совершаемого в процессе формирования и реализации жизненных целей. Формирование жизненной стратегии можно определить как сознательный и творческий процесс выстраивания человеком своего будущего, основанный на личном опыте, культурных традициях и социальных ценностях окружения. Роль жизненной стратегии заключается в принятии ответственности за свою жизнь, в осмысленности жизненных планов, построении системы ценностей и жизненных целей, а также в способности личности к соединению своей индивидуальности с жизненными условиями.

Понятие «жизненная стратегия» коррелирует с понятием «жизненный план», который представляет собой самопрогноз, ориентацию, сформированную индивидом к моменту выбора дальнейшего пути. Жизненный план – это система мероприятий, выстроенных в определенной последовательности, с помощью которых будет реализовываться жизненный замысел. Жизненная стратегия в отличие от жизненного плана может не быть четкой программой, а лишь общим направлением конструирования жизни в соответствии с установками и представлениями человека.

Замыслы и планы, подкрепленные жизненными стратегиями, обретают форму личных проектов. В самом общем смысле жизненный проект – это проектирование самого себя и своего будущего. Он представляет собой схему последовательных действий, направленных на достижение результата. Также в один ряд с понятием «жизненных стратегий» встает понятие «жизненной перспективы». Жизненная перспектива – целостная картина будущего в сложной, противоречивой взаимосвязи ожидаемых событий, от которых, по мнению индивида, зависит его социальная ценность и смысл жизни.

Последовательное воплощение планов и проектов с учетом жизненных перспектив на основе сложившихся стратегий формирует представление о направленности жизненного пути личности – ее индивидуальной истории, ее содержания. Он представлен в его жизненных программах, сценариях, картах времени, а также состоит из фактов, событий и поступков, определяющих становление индивида как личности.

Изучению жизненных стратегий в российской социологии много внимания уделял Ю.М. Резник [5]. В основу их классификации он положил следующие признаки: социально-экономическое положение; способ воспроизводства и трансляции культурных стандартов; систему регуляции и контроля; социальный характер; профессиональный этос. Сфера распространения типа стратегий определяется уровнем социально-экономического и культурного развития общества; способом производства, уровнем и качеством жизни, наличием правовых средств регуляции общественной жизни, степенью участия в управлении государством, влиянием традиций-идеалов и верований. Среди основных жизненных стратегий Ю.М. Резник выделяет: стратегию жизненного успеха, стратегии жизненного благополучия, стратегии самореализации.

Стратегия жизненного благополучия характеризуется стремлением человека к обеспечению собственной жизни всеми необходимыми благами. Он выбирает для себя спокойную, размеренную и стабильную жизнь, стремится к материальному или нравственно психологическому комфорту, к максимально возможному или допустимому удовлетворению своих потребностей, принимает принципы и правила, устанавливающие приоритет тех или иных жизненных благ.

Придерживаясь стратегии жизненного успеха, личность ведет активную, деятельную, насыщенную событиями, общественно значимую и преуспевающую жизнь. Человек стремится к общественному признанию, высокому профессионализму и обеспечивающему прочное материальное положение. Ему свойственна организованность и самодисциплина, деловитость и предприимчивость. Для стратегии жизненного успеха характерно принятие личностью принципов и правил, ведущих к успеху или способствующих личностному и профессиональному росту, продвижению по социальной лестнице.

Для людей, выбирающих стратегию жизненной самореализации, характерна ориентация на красивую, гармоничную, творческую жизнь, близкую по своему содержанию к художественному искусству. Для них важно свободное творчество и развитие собственных духовных и физических сил, самосовершенствование, достигаемое посредством изменения жизненного мира. Важной составляющей стратегии самореализации является стремление личности к автономии и творческому состоянию, склонность к постоянному поиску альтернатив и углубленному самоанализу, а также избирательное отношение к окружающим и плюрализм жизненной позиции. Личность, выбирающая стратегию жизненной самореализации, уважительно относится к свободе и образу жизни других людей, а также в её жизнедеятельности отсутствуют четкие и строго установленные правила при соблюдении общепринятых норм.

В процессе формирования жизненных стратегий Ю.М. Резник выделяет три взаимосвязанных этапа, которые последовательно сменяют друг друга. Это этап выбора стратегии на основе личностной идентификации, этап построения (конструирование) и этап презентации собственной жизненной стратегии (самопредставление).

Во многом определяющим фактором в самостоятельности формирования жизненной стратегии выступает возраст социального измерения как совокупность биологического, психологического, социального состояния человека, позволяющего в той или иной мере реализовать его возможности и способности. Наиболее значимой проблема жизненной стратегии выступает для студенческого возраста, когда человек становится взрослым не только в биологическом, но и в социальном отношении.

Студенты представляют собой мобильную социальную группу, целью существования которой является организованная по определенной программе подготовка к выполнению высоких профессиональных и социальных ролей в материальном и духовном производстве. Во время обучения в вузе происходит очень важный момент жизненного самоопределения - профессиональный выбор. Студенческая молодежь, как наиболее активная социально-демографическая группа, в силу переходности социального статуса, незавершенности про-

цессов формирования социальной зрелости, в наибольшей степени нуждается в целенаправленном конструировании своего будущего. Кроме того, студенты являются наиболее восприимчивыми к происходящим социальным переменам, новым идеям и ценностям. Изучение жизненных стратегий студентов способствует расширению представлений об основных динамических тенденциях, характерных сегодня для массового сознания, позволяет очертить некоторые контуры социально-психологического сознания общества в ближайшем будущем.

Для изучения особенностей жизненных стратегий современной студенческой молодежи нами был проведен опрос студентов ИРНИТУ. Опрос проводился в мае 2016 года. Всего было опрошено 204 респондента.

На вопрос о том, что для опрошенных является главным в жизни, самым распространенным был ответ - создать хорошую семью и вырастить детей (76,5%). Быть независимым, материально обеспеченным человеком важно для 61,8% респондентов, 36,3% студентов хотят стать профессионалом, иметь стабильную работу, для 35,3% респондентов важным является состояние здоровья. Получить от жизни как можно больше удовольствий хотят 21,6% респондентов. Творчество, выражение собственного «Я» выбрали для себя 19,6% опрошенной молодежи, среди которых большая часть студентов, обучающихся на творческих специальностях. Служить идеалом добра, красоты и справедливости предпочитают 16,7% студентов. Для 11,8% опрошенных главным в жизни является комфорт и бытовая устроенность, причем, для девушек этот фактор важнее (9,8%), чем для юношей (2%).

Далее респондентам было предложено ответить на вопрос, о том, есть ли у них главная цель в жизни. У 78,4% опрошенных уже сформировалась их главная жизненная цель, у 7,8% студентов таковой цели нет, а 13,7% затруднились ответить на данный вопрос. Студентам, ответившим положительно на этот вопрос, было предложено сформулировать свою главную жизненную цель. Вопрос был открытым и около половины из тех, кто говорит о наличии, не смог ее сформулировать. Наиболее распространенными ответы на этот вопрос были: создание семьи, рождение детей, материальное благополучие, хорошая работа, карьерный рост, реализация себя, обеспечение достойного будущего себе и своей семье. Необходимо отметить, что среди респондентов, четко представляющих свои цели, большая часть студентов, обучающихся на старших курсах.

Для получения общей картины о целях студенческой молодежи ИРНИТУ респондентам был задан вопрос: «Что такое успех в жизни лично для Вас?». Для 70,6% студентов основным показателем успеха является счастье в личной жизни, благополучие семьи и детей. Также среди составляющих успеха следует выделить: хорошую, высокооплачиваемую, интересную, любимую работу (50%); самореализацию, определение своего места в жизни, возможность гордиться собой (46,1%); собственное здоровье и здоровье близких (42,2%); возможность приносить пользу стране, обществу, людям (21,6%); материальное благополучие, достаток (15,7%); уважение, признание в обществе (14,7%), и хорошую и благополучную жизнь в целом (12,6%).

На вопрос о мотивах получения и высшего образования 38,2% респондентов ответили, что оно поможет стать высокообразованным, культурным человеком. По мнению 37,3% опрошенных, высшее образование даёт возможность добиться успеха в жизни. Необходимость образования сама по себе является мотивом получения высшего образования для 35,3% респондентов. Иметь хорошую профессию, благодаря получению высшего образования, рассчитывают 32,4%, иметь соответствующий социальный статус - 25,5% студентов. Желание иметь приятное времяпровождение в студенческие годы явилось стимулом для поступления в вуз для 16,7% респондентов. Возможность работы за рубежом, как мотив получения высшего образования, выбрали для себя 8,8% респондентов. Молодые люди выбирали также ответы - семейные традиции (2,9%) и отсрочка от армии (1,9%).

Более половины опрошенных респондентов, а именно 51%, планируют продолжить свое обучение в магистратуре. Получать второе высшее образование – 24,5% респондентов. Продолжить обучение в аспирантуре хотят 3,9% опрошенных студентов. Не планируют обучение лишь 13,7%, 6,9% студентов затруднились ответить на данный вопрос (в основном, обучающиеся на 1-2 курсах).

Студентам ИРНИТУ был задан вопрос об их предпочтениях относительно будущей работы. Так, респондентам был задан вопрос: «Планируете ли Вы после окончания университета

работать по полученной специальности?». 36,3% уверены в том, что после окончания университета они устроятся по той специальности, на которой обучаются. В основном, это учащиеся технических специальностей. Такое же количество студентов выбрали ответ «скорее да, чем нет». 12,7% респондентов отметили вариант «скорее нет, чем да». 5,9% опрошенных считают, что работать по получаемой ими специальности они не будут. Необходимо отметить, что это девушки, обучающиеся на технических специальностях.

Далее студентам было предложено ответить на вопрос относительно ожиданий от будущей работы. Высокий заработок является предпочтительным для 58,8% опрошенных, 51% респондентов связывают будущую работу с возможностью профессионального роста, 41,2% - с самореализацией, самоутверждением, 36,3% - с возможностью заниматься любимым делом. Также среди ожиданий от будущей работы можно выделить: развитие способностей (29,4%); возможность приносить пользу обществу, помогать людям (18,6%); престижность профессии (13,7%); ощущение независимости (18,6%); возможность общения (8,8%), комфортные условия труда (8,8%); полное использований своих знаний (7,8%).

На вопрос: «Какую должность вы хотели бы иметь в будущем?» 32,4% опрошенных студентов ИРНИТУ ответили, что хотят быть руководителем небольшого коллектива. Руководителем более высоких звеньев управления предпочитают быть 23,5% респондентов, руководителем на предприятии – 17,6%, руководителем крупного подразделения на предприятии – 11,8% студентов. Следует отметить, что более высокие должности предпочитают студенты мужского пола. Обращает на себя внимание тот факт, что только 2% опрошенных в будущем готовы работать рядовыми сотрудниками. 12,7% респондентов затруднились ответить на данный вопрос.

В ходе проведенного исследования мы выяснили, что для достижения поставленных целей студентам необходимы такие качества как трудолюбие (52,9%), активность и энергичность (37,3%). Большое значение при достижении желаемого для 36,3% опрошенных имеют полезные связи, они считают, что сложно найти работу без участия знакомых. 30,4% респондентов ответили, что достичь желаемого им поможет самостоятельность, 28,4% - предприимчивость, 23,5% - поддержка семьи, 22,5% - хорошее образование и 20,6% - умение работать в коллективе. Менее весомую роль для достижения целей, по мнению опрошенных, играют: честность и принципиальность (13,7%); деньги (5,9%), вера в Бога (5,9%), физическая сила (2%). Следует отметить, что «государство» не выбрал ни один из респондентов.

Препятствиями в осуществлении жизненных планов студентов, по результатам опроса, являются: отсутствие связей (37,3%), недостаток воли и настойчивости (35,3%), материальные трудности (30,4%). Состояние здоровья является препятствием для достижения желаемого для 25,5% опрошенных. Политическая и экономическая ситуация в стране также препятствие для достижения желаемого (24,5%). Для 20,6% студентов таковым препятствием является конкуренция. Также среди обстоятельств, мешающих осуществлению планов, необходимо выделить: неумение общаться, располагать к себе людей (17,6%); недостаток способностей (16,7%); притеснение по полу, возрасту, национальности, социальной принадлежности (2%). 9,8% респондентов затруднились ответить на данный вопрос.

В ходе проведения опроса студентам ИРНИТУ был задан вопрос о том, в каком возрасте они создали или планируют создать семью. Более половины опрошенных, а именно 55,9%, планируют создание семьи в возрасте 23-26 лет. Возраст 18-22 года для вступления в брак считают для себя приемлемым 19,6% опрошенных. 17,6% респондентов считают для себя оптимальным создание семьи в возрасте 27-30 лет. После 31 года создать семью планирует лишь 1% респондентов. Однако 2,9% студентов не планируют создавать семью вообще. Результаты опроса показали, что на более поздний срок вступления в брак в большей степени ориентированы юноши, чем девушки.

Говоря о количестве детей, которое респонденты хотели бы иметь в будущем, следует отметить, что 46,1% респондентов планируют рождение двоих детей. Троих хотели бы иметь 31,4% опрошенных. Такие варианты ответа, как «один» и «более трех» выбрали по 6,9% студентов. Не планируют детей вообще 2,9% опрошенных.

Важным аспектом изучения особенностей жизненных стратегий студенческой молодежи является анализ краткосрочных, среднесрочных и долгосрочных планов. Для изучения краткосрочных стратегий студентов ИРНИТУ респондентам было предложено описать их жизнен-

ные планы на ближайшие 3-5 лет. Анализ показал, что в большинстве своем студенты ориентированы на конкретные события. Среди ответов можно выделить наиболее распространенные: открыть бизнес, купить машину, окончить университет, получить второе высшее образование, купить квартиру, поступить в магистратуру, создать семью, родить ребенка. Следовательно, краткосрочные планы студентов вполне осознаны, логичны и последовательны. Они демонстрируют высокую степень ориентации на образование и карьеру.

К среднесрочным стратегиям относятся планы на временной период 5-10 лет. Следует отметить, что планы студентов на этот период также конкретизированы и структурированы. Студенческая молодежь ориентирована на семью, рождение детей, материальное благополучие, самореализацию, то есть на активное развитие во многих сферах собственной жизни.

Ответы на вопрос о долгосрочных планах, которые характеризуются временным периодом 10-20 лет, показали, что у студентов нет четкого представления о желаемых событиях. Были получены ответы: «Настолько далекое будущее сложно предположить», «Там уже как сложится». Прослеживается также ориентация на продолжение и совершенствование планов, намеченных ранее: «Продолжение предыдущих планов», «Счастливая семейная жизнь», «Воспитание детей», «Работа, путешествия».

Анализ результатов исследования свидетельствует, что весомой разницы в ответах студентов, обучающихся на технических и гуманитарных специальностях, нет. Разница в ответах, обучающихся на разных курсах, была отмечена в том, что планы студентов старших курсов имеют более четкие планы как в отношении работы, так и в отношении создания семьи, чем студенты первого курса.

Таким образом, проведенный опрос студентов ИРНИТУ показал, что для опрошенных основными жизненными приоритетами являются: создание семьи, воспитание детей, хорошая, стабильная работа и материальное благополучие. Высшему образованию в осуществлении своих жизненных стратегий студенты отводит значительную роль. Анализ профессиональных предпочтений студентов показал, что основными ожиданиями от будущей работы являются высокий заработок, возможность профессионального роста и самореализация, самоутверждение. Именно поэтому студенты в большинстве своем в будущем предпочитают должности среднего и высокого уровня, позволяющие занимать определенный социальный статус. Ясные и четкие представления о желаемых жизненных событиях складываются у студентов на краткосрочный и среднесрочный период, а долгосрочные имеют неопределенный характер.

Самой распространенной стратегией, в соответствии с типологии Ю.М. Резника, для студенческой молодежи ИРНИТУ является стратегия жизненного благополучия, которая заключается в обеспечении всеми необходимыми благами, материальным и духовным комфортом, благополучной жизни для себя и своей семьи. Второй по распространенности оказалась стратегия жизненного успеха. Стратегия жизненной самореализации, которая характеризуется творческим и духовным гармоничным развитием, находится на последнем месте.

Следовательно, современная студенческая молодежь в целом «футуристична», обращена в будущее, ориентирована на активность в трудовой деятельности для достижения определенного уровня благосостояния, а в последующем - на создание семьи. Современные студенты характеризуются стремлением к получению определенного уровня образования, активностью, энергичностью и готовностью брать на себя ответственность.

Библиографический список

1. Головаха Е. И. Жизненная перспектива и ценностные ориентации личности // Психология личности в трудах отечественных психологов. Спб.: Питер, 2000. С. 267–270.
2. Гузик М. В. Губарева Н. И. Анализ жизненных стратегий студенческой молодёжи г. Иркутска (по результатам социологического исследования) // Сборник научных трудов студентов и преподавателей института изобразительных искусств и социально-гуманитарных наук «Искусство и гуманитарные науки - 2012». Иркутск: Издательство ИРГТУ, 2012. С. 34–43.
3.Огородова Т. В. Формирование термина «жизненные стратегии» // Проблемы современной науки и образования. 2015. № 11. С. 40–42.
4.Резник Т. Е. Жизненные стратегии личности // Социологические исследования. 1995. №12. С. 23–28.
5.Резник Ю.М. Жизненные стратегии личности: поиск альтернатив. М.: Наука, 2002. 126 с.

Гузик Мария Васильевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры социологии и социальной работы, e-mail: maria229@yandex.ru
Федосеева Дарья Алексеевна, студент, e-mail: fedash09@rambier.ru

Mariya V. Guzik, Candidate of History, Associate Professor of Sociology and Social Work Department, e-mail: maria229@yandex.ru
Daria A. Fedoseeva, student, e-mail: fedash09@rambier.ru

УДК 349.3

ПРАВОВЫЕ МЕХАНИЗМЫ СОЦИАЛЬНОЙ ЗАЩИТЫ ПРИЕМНОЙ СЕМЬИ В РОССИИ

© Е.Ю. Забалова*

*Иркутский национальный исследовательский технический университет,
664074, Россия, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 83.

В данной статье рассмотрены вопросы, затрагивающие сферу социальной защиты приемных семей, а также роли государственных органов власти, обладающих определенной компетенцией в сфере охраны и защиты интересов детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей. Представлена модельная логическая схема специального юридического воздействия на социальные отношения.
Проанализирована структура права на социальную защиту приемной семьи в России. Также рассмотрены основные составляющие правового механизма на социальную защиту приемной семьи, проанализированы инструменты практического решения многих вопросов в сфере детства: реализация национальных проектов "Здоровье" и "Образование", федеральных целевых программ, важнейшие законодательные акты. Выделены преимущества семейного устройства детей-сирот и основные формы устройства детей-сирот.
Ключевые слова: приемная семья, дети-сироты, семейные формы устройства, социальная защита, семейная политика, национальные проекты, интернатное учреждение, замещающие семьи.

LEGAL MECHANICS OF SOCIAL PROTECTION OF FOSTER FAMILY IN RUSSIA

E.Yu. Zabalova*

*Irkutsk National Research Technical University,
83, Lermontov Str., Irkutsk, Russia, 664074.

This article considers some of the issues of social protection of foster families and the role of state control authority responsible for protection of interest of orphan children and those deprived of parental care. The article presents model logic scheme of specifically legal impact on social relations. It analyzes the structure of the right to social protection of a foster family in Russia, the basic components of legal mechanics of social protection of the foster family, and the tools of practical solution to many issues in the field of childhood: implementation of the national projects "Health" and "Education", federal target programs, the most important legislative acts. The authors highlight the advantages of family placement of orphans and the main forms of their placement.
Keywords: foster family, orphans, family forms of placement, social protection, family policy, national projects, care homes, substitute families

Реализация задач и функций государства происходит посредством деятельности его механизма. Государство функционирует через свой механизм, через входящие в него государственные органы, обладающие определенной компетенцией в сфере охраны и защиты прав и свобод. Под термином «механизм», как правило, подразумевают модельную логическую схему специально юридического воздействия на социальные отношения или он используется для характеристики инструментально-процедурных конструкций.

В России установлена система государственной социальной зашиты граждан, семей, в том числе приемных, то есть защита конституционных социальных прав, включающая в себя перечень тех государственных органов, которые обладают определенной компетенцией. Государство стремится к защите семьи, в том числе и приемной, посредством деятельности различных государственных органов и учреждений, реализующих экономические и социальные планы, включающие в себя мероприятия, направленные на помощь приемным семьям, работающим матерям, одиноким родителям, воспитывающим детей и т.д.

Представляется логичным рассмотреть структурно-функциональный механизм современного Российского государства - роли и места образующих в нем элементов, которые включают в себя государственные органы и их системные образования. Определить их закрепление в Конституции (так называемый структурный подход), а также проанализировать выполняемые ими государственные функции (так называемый функциональный подход).

Исходя из того, что механизм государства, как было указано выше, состоит из определенных органов, представляется необходимым показать их структуру и дать характеристику тем из них, в компетенции которых находятся вопросы, затрагивающие сферу социальной защиты семей и, в частности, приемных.

Структуру права на социальную защиту приемной семьи в Российской Федерации согласно нормам Конституции возможно представить следующим образом:

- право на материальную поддержку приемной семьи (различные семейные пособия);
- право на охрану здоровья (путем оказания помощи приемным семья на основе сочетания бесплатных и платных форм медицинского обслуживания);
- право на труд (обеспечение работникам, имеющим детей, благоприятных условий для сочетания трудовой деятельности с выполнением семейных обязанностей; государственная поддержка развития трудовой индивидуальной деятельности; установления гарантии занятости на рынке труда);
- право на образование (дополнительная поддержка членов приемных семей, обучающихся в различных образовательных учреждениях, развитие сети дошкольных образовательных учреждений различных форм собственности и т.д.);
- право на жилище (кредитование и частичное субсидирование приемных семей, осуществляющих строительство и приобретение жилья; предоставление различных льгот при оплате жилья и т.д.).

Исходя из вышесказанного, под механизмом понимается структурно оформленная система средств государственного воздействия на общественные процессы. Основными составляющими конституционно-правового механизма на социальную защиту семьи и приемной семьи, в частности, являются: обязанность государства в лице органов государственной власти России, субъектов, органов местного самоуправления и их должностных лиц по защите указанных прав.

Нельзя не отметить тот факт, что важное положение относительно защиты семьи содержится в п. «ж» ч. 1 ст. 72 Конституции Российской Федерации. Это касается распределения компетенции в данных вопросах между Российской Федерацией и субъектами. Исходя из закрепленных положений Конституции, защита семьи, материнства, отцовства и детства находится в совместном ведении России и ее субъектов [4; с. 5].

Согласно Основному Закону Президент России является гарантом Конституции, прав и свобод человека и гражданина (ст. 80 Конституции Российской Федерации), что дает ему исключительные полномочия в данном направлении (разрешение жалоб, обращений и др.). Он наделен также полномочиями в сфере государственного контроля и надзора за деятельностью органов исполнительной власти, осуществляющих свои полномочия в исследуемой сфере (п. 4 ст. 78 Конституции Российской Федерации). Президентом Российской Федерации утверждаются все программы долгосрочного развития Российской Федерации, издаются указы, которые касаются и области социальной защиты семей, например, «Об основных направлениях государственной семейной политики»; «О мерах по реализации демографической политики Российской Федерации», «О Национальной стратегии действий в интересах детей на 2012 - 2017 годы», «О мерах по социальной поддержке многодетных семей» и др.

Указом Президента РФ утверждены «Основные направления государственной семейной политики», в которых сформулировано отношение государства к семье, решение проблем семьи и детства. В частности, в них говорится, что государственная семейная политика является составной частью социальной политики РФ и представляет собой целостную систему принципов, оценок и мер организационного, экономического, правового, информационного, пропагандистского и кадрового характера, направленных на улучшение условий и повышение качества жизни семьи, и в частности, приемной семьи.

Основными принципами семейной политики, направленной на обеспечение государством необходимых условий для реализации семьей ее функций и повышения качества жизни семьи, названы самостоятельность и автономность в принятии решений относительно своего развития; равенство семей и всех ее членов в праве на поддержку; приоритет интересов ребенка; партнерство семьи и государства; разделение ответственности за семью; сотрудничество с общественными объединениями, благотворительными организации. В настоящее вре-

мя в России разработан проект Концепции государственной семейной политики до 2025 года, в которой будут прописаны социальные стандарты качества жизни, подходы к решению вопросов социального развития и защиты семьи, а также многие другие вопросы. Концепция должна служить ориентиром для федеральных органов государственной власти и органов местного самоуправления при решении вопросов жизнеобеспечения, защиты прав и интересов, социализации семей.

Инструментом практического решения многих вопросов в сфере детства стала реализация приоритетных национальных проектов "Здоровье" и "Образование", федеральных целевых программ. Принят ряд важнейших законодательных актов, направленных на предупреждение наиболее серьезных угроз осуществлению прав детей. Созданы новые государственные и общественные институты: учреждена должность Уполномоченного по правам ребенка при Президенте Российской Федерации, в ряде субъектов создан институт уполномоченного по правам ребенка, учрежден Фонд поддержки детей, находящихся в трудной жизненной ситуации. Увеличился объем финансирования социальных расходов из федерального бюджета и бюджетов субъектов Российской Федерации, приняты новые меры социальной поддержки семей с детьми. Впервые в России проведена широкомасштабная общенациональная информационная кампания по противодействию жестокому обращению с детьми, введен в практику единый номер телефона доверия.

В результате принятых мер наметились позитивные тенденции увеличения рождаемости и снижения детской смертности, улучшения социально-экономического положения семей с детьми, повышения доступности образования и медицинской помощи для детей, увеличения числа устроенных в семьи детей, оставшихся без попечения родителей.

Вместе с тем проблемы, связанные с созданием комфортной и доброжелательной для жизни детей среды, сохраняют свою остроту и далеки от окончательного решения. Продолжается сокращение численности детского населения, у значительной части детей дошкольного возраста и обучающихся в общеобразовательных учреждениях обнаруживаются различные заболевания и функциональные отклонения. В рамках очередного этапа социально-экономического развития страны был разработан и принят новый документ - Национальная стратегия действий в интересах детей на 2012 - 2017 годы, целью которой является - определение основных направлений и задач государственной политики в интересах детей и ключевых механизмов ее реализации, базирующихся на общепризнанных принципах и нормах международного права [3; с. 7]. Одним из главных принципов принятого документа признается реализация основополагающего права каждого ребенка жить и воспитываться в семье. В России должны создаваться условия для обеспечения соблюдения прав и законных интересов ребенка в семье, своевременного выявления их нарушений и организации профилактической помощи семье и ребенку, обеспечения адресной поддержки нуждающихся в ней семей с детьми, оказавшимися в трудной жизненной ситуации, и приниматься меры по устройству детей, оставшихся без попечения родителей, на воспитание в семьи. Данная форма устройства раскрывает свои лучшие черты, особенно с учетом новых социально-экономических условий жизни российского общества. Выделяют несколько причин преимущества семейного устройства детей-сирот.

1. Экономическая: установлено, что воспитание ребенка в семье экономически выгоднее, чем в детских учреждениях. Опыт европейского сообщества также подтверждает данный факт. Согласно исследованию, проведенному в Великобритании, «средняя сумма затрат в неделю на содержание ребенка в интернатном учреждении в 8 раз превышала затраты, по сравнению с приемной семьей; в 9,5 раза была выше, чем при проживании ребенка в семье родственников или знакомых и в 12 раз выше при проживании ребенка с биологическими родителями. То есть, в целом затраты на детей, помещенных в приемную семью и в интернатное учреждение, имеют соотношение 8:1».[1; с. 87]

2. Политическая: Россия, как часть мирового сообщества, активно включилась в работу по реформированию социальной сферы, взят курс на принципиально новый тип экономических отношений, соответственно, появляется новая система социальной защиты населения, система социального обеспечения, гарантирующая каждому право на достойную жизнь.

Следовательно, в стране принят ряд международных соглашений и документов, регламентирующих семейное воспитание.

3. Социализирующая: эксперты в области психологии и педагогики акцентируют внимание на положительное медико-психологическое и социально-экономическое состояние детей, улучшение социализации, развитие личности ребенка. Кроме того, приемные семьи помогут «закрывать» сложные жизненные ситуации путем временного размещения детей на период поиска усыновителей, на время работы с кровной семьей. «Эффективность воспитания детей в приемной семье, где созданы условия для обеспечения полноценного развития и воспитания ребенка, трудно переоценить. У детей, находящихся в таких семьях, быстрее происходит социальная адаптация в окружающем мире, значительно улучшаются успехи в учебе. Ребенок в семье становится активным участником воспроизводства социального опыта через взаимодействие и общение с приемными родителями, их детьми и родственниками» [2; с. 69].

На сегодняшний день в регионах все существующие формы устройства детей-сирот условно можно разделить на три формы:

а) институциональные, или несемейные формы, когда дети устроены в государственные учреждения (детские дома, дома - интернаты и т.д.);

б) семейные формы, когда детей передают в так называемые «замещающие семьи»: опека и попечительство, усыновление, приемная семья;

в) смешанная форма, сочетающая элементы государственного учреждения и семьи. Отметим, что эта форма не получила широкого распространения в нашей стране.

Таким образом, мы видим, что в национальном законодательстве в целом сформирована правовая основа обеспечения прав и интересов детей в новых социально-экономических условиях. Развитие законодательства не стоит на месте, оно продолжает совершенствоваться с каждым годом, о чем свидетельствует принятие новых федеральных законов, постановлений Правительства РФ, Указов Президента РФ, введение многочисленных поправок и дополнений в уже принятые законы - Семейный кодекс РФ (в части защиты интересов детей при международном усыновлении и введения еще одной формы воспитания в семейной среде детей-сирот), в законодательство о пособиях семьям с детьми, в том числе по увеличению этих пособий. Кроме того, дальнейшее развитие получила система правовых средств защиты детей – наряду с Уполномоченным по правам человека в РФ развивается институт Уполномоченного по правам ребенка на региональном уровне. В рамках национальных проектов ведется работа по улучшению здоровья подрастающего поколения, повышению качества и доступности медицинского обслуживания, образования, усилению статуса семьи в иерархии жизненных ценностей молодежи.

Конституционно-правовое регулирование социальной защиты приемных семей находится в настоящее время на стадии развития и совершенствования. Это связано прежде всего с проводимыми реформами, осуществляемыми практически во всех сферах социальной жизни, что ставит по-новому многие вопросы гарантий и способы осуществления социальных прав.

Библиографический список

1. Гайсина Г.И. Семейное устройство детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей: российский и зарубежный опыт. М., 2013. 149 с.

2. Данилина Н.К., Перевощикова Н.К. Приемная семья – альтернатива социальному сиротству // Мать и дитя в Кузбассе. 2012. № 4. С. 20–25.

3. О Национальной стратегии действий в интересах детей на 2012-2017 годы: указ Президента РФ от 1 июня 2012 г. N 761 [Электронный ресурс] // URL: http://base.consultant.ru (27.06.2016).

4. Конституция РФ :принята Всенародным голосованием 12.12.1993 г.: с учетом поправок, внесенных Законами Российской Федерации о поправках к Конституции Российской Федерации от 30.12.2008 N 6-ФКЗ, от 30.12.2008 N 7-ФКЗ, от 05.02.2014 N 2-ФКЗ, от 21.07.2014 N 11-ФКЗ.

Забалова Екатерина Юрьевна, аспирантка, юрисконсульт управления социальной защиты населения по Иркутскому району, e-mail: zabak13@mail.ru

Ekaterina Yu. Zabalova, a post-graduate student, e-mail: zabak13@mail.ru

СОЦИАЛЬНАЯ КОМПЕТЕНТНОСТЬ

SOTSI@COM

Сетевое издание

Том 1, №1 2016

Редактор Н.Н. Куклина
Ответственный за выпуск Н.И. Гаврилова
Перевод на английский М.И. Поповой
Верстка Н.П. Дзюндзя

ФГБОУ ВО «Иркутский национальный исследовательский технический университет»